

ДОКЛАД

№ 66 / 2021

Российский совет
по международным
делам

Российско-китайское сотрудничество в Африке

Андрей Кортунов
Ольга Кулькова
Наталья Цайзер
Лора Чкония
Татьяна Богдасарова
Гуань Гуйхай
Лю Хайфан
Лэй Шаохуа
Сюй Лян

**РОССИЙСКИЙ СОВЕТ ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ ДЕЛАМ
ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ И СТРАТЕГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ ПЕКИНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

МОСКВА 2021

УДК 327((470+571)+510):6

ББК 66.4(2Рос),9(5Кит),4+66.4(2Рос),9(6),3

Р76

Российский совет по международным делам

Институт международных и стратегических исследований Пекинского университета

Авторский коллектив:

А.В. КОРТУНОВ, канд. ист. наук (Введение, Часть I, Заключение); **О.С. КУЛЬКОВА**, канд. ист. наук (Часть II);

Н.Г. ЦАЙЗЕР, канд. филолог. наук (Часть III); **Л.Е. ЧКОНΙΑ** (Часть II); **Т.С. БОГДАСАРОВА**, канд. полит. наук

(Краткое содержание); **Гуань Гуйхай**, доктор философии (Часть I); **Лю Хайфан**, доктор философии (Часть III);

Лэй Шаохуа, доктор философии (Часть II); **Сюй Лян**, доктор философии (Часть II)

Выпускающий редактор:

Т.С. Богдасарова, канд. полит. наук; **О.А. Пылова**

Р76 **Российско-китайское сотрудничество в Африке:** доклад Российского совета по междунар. делам (РСМД), Института междунар. и стратег. исслед. Пекинского ун-та, доклад № 66/2021 / А. В. КОРТУНОВ, О. С. КУЛЬКОВА, Н. Г. ЦАЙЗЕР [и др.]; Российский совет по междунар. делам (РСМД), Школа междунар. исслед. Пекинского ун-та. — М.: НП РСМД, 2021. — 78 с. — Авт. и ред. указаны на обороте тит.л.

ISBN 978-5-6044862-5-2

В докладе предпринята попытка сравнить взгляды России и Китая на текущее положение дел в Африке и их перспективы на будущее. Эксперты попытались сопоставить стратегии, проводимые двумя странами, и оценить возможности расширения российско-китайского сотрудничества на континенте. Позиции, представленные в настоящем докладе, отражают различный опыт России и Китая в Африке, уникальные особенности их национальных политических стилей, а также асимметрию соответствующих ресурсных баз Москвы и Пекина и набора инструментов, которые они используют в своей внешней политике.

Высказанные в докладе мнения отражают исключительно личные взгляды и исследовательские позиции авторов и могут не совпадать с точкой зрения Некоммерческого партнерства «Российский совет по международным делам».

Полный текст доклада опубликован на интернет-портале РСМД. Вы можете скачать его и оставить свой комментарий к материалу по прямой ссылке – russiancouncil.ru/report66

Содержание

Краткое содержание	4
Введение	5
Часть I. Африка глазами России и Китая	9
Краткосрочные и среднесрочные перспективы Африки: взгляд из Москвы	9
<i>Ближайшие тенденции и вызовы</i>	10
<i>Среднесрочные вызовы и проблемы</i>	17
Африка в XXI в.: взгляд из Пекина	29
<i>Социально-экономическое развитие</i>	31
<i>Политическое развитие</i>	35
<i>Мир и безопасность</i>	37
Часть II. Оценка интересов и целей Китая и России в Африке	41
Интересы и цели Китая в Африке	41
<i>Опыт Китая в Африке</i>	41
<i>Общие принципы и цели политики Китая в Африке</i>	42
<i>Политическое взаимодействие</i>	43
<i>Экономическое сотрудничество</i>	44
<i>Мир и безопасность</i>	47
Интересы и цели России в Африке	49
<i>Российско-африканское политическое сотрудничество</i>	50
<i>Экономическая повестка дня России в Африке</i>	52
<i>Российско-африканские отношения в посткризисную эру</i>	56
Часть III. Россия и Китай в Африке: Двустороннее сотрудничество	59
Обзор общих интересов России и Китая в Африке	59
Конкуренция между Россией и Китаем в Африке	60
Российско-китайское сотрудничество в Африке	61
<i>Краткосрочные проекты</i>	61
<i>Долгосрочные программы</i>	64
Заключение	69
Об авторах	74

Краткое содержание

Взаимодействие между российскими и китайскими аналитическими центрами, работающими в области международных отношений, оказывает значительное воздействие на развитие отношений между Россией и Китаем. Российский совет по международным делам (РСМД) ведет долгосрочные проекты с китайскими научными и аналитическими центрами. В рамках сотрудничества с Институтом международных и стратегических исследований Пекинского университета (IISS) РСМД и IISS подготовили совместный доклад о стратегических подходах России и Китая в их отношениях со странами африканского континента.

В подготовке доклада участвовали сотрудники и эксперты РСМД, научные сотрудники Института Африки РАН, эксперты и исследователи IISS и Пекинского университета.

Доклад состоит из трех частей, каждая из которых представляет собой законченное исследование, включающее анализ опыта, политических позиций и инструментов двух стран, которые они используют в своей внешней политике в отношении африканских стран.

В первой части доклада дается анализ среднесрочных перспектив развития Африки в условиях глобального кризиса 2020 г. глазами российских и китайских экспертов. Кризис 2020 г. для Африки, как и для большинства стран мира, связан с пандемией коронавируса, сильнейшим экономическим спадом и резким падением цен на углеводороды, которые являются основной статьей экспорта. Российские исследователи приходят к выводу, что роль России в Африке в этих условиях будет ограниченной и будет более заметной в сфере безопасности, чем в области развития.

Китайские исследователи отмечают, что до пандемии COVID-19 экономика Африки демонстрировала устойчивый рост и приверженность индустриализации, и процесс передачи власти во многих странах происходил мирным путем. Эти обстоятельства, по их мнению, позволяют смотреть на перспективы развития континента в будущем с определенным оптимизмом.

Вторая часть доклада посвящена оценке интересов и целей России и Китая в Африке. Китайские исследователи изложили четыре принципа взаимодействия Китая с Африкой, которые, с их точки зрения, отличают китайско-африканские отношения от исторического колониализма и современных западных подходов. Кроме того, Китай готов рассмотреть возможность многостороннего сотрудничества в Африке для укрепления стабильности и развития на континенте.

Российские исследователи отметили, что несмотря на то, что 2019 г. стал переломным для российско-африканских отношений, у России пока не сложилось единой стратегии сотрудничества с Африкой. Тем не менее Итоговую декларацию саммита Россия-Африка 2019 г. можно рассматривать

как своего рода ориентир. Россия и Африка последовательно выступают за невмешательство во внутренние дела других стран и отстаивают приоритет национального суверенитета. В настоящее время Россия стремится к укреплению политического сотрудничества с африканскими государствами с целью согласования позиций и выработки подходов к изменениям, происходящим на международной арене.

В третьей части доклада рассматриваются перспективы и возможности двустороннего сотрудничества в Африке. У России и Китая в Африке есть общие интересы. Эксперты обеих стран подчеркивают, что пространство для российско-китайского сотрудничества на континенте намного шире пространства для конкуренции и противоборства. Совместные усилия России и Китая по поддержанию мира и стабильности в Африке, оказание содействия развитию африканской экономики отвечают стратегическим интересам обеих стран.

Позиции, представленные в этом докладе, отражают различный политический опыт России и Китая в их взаимодействии с африканскими странами. В докладе показаны существенные отличия в подходах России и Китая к выстраиванию отношений с африканскими странами сегодня. Вместе с тем, совместный доклад свидетельствует о том, что Россия и Китай занимают близкие позиции по фундаментальным вопросам мировой политики и экономики. Между двумя странами нет непримиримых разногласий. Усилия России и Китая не направлены на соперничество за влияние в Африке, а, наоборот, могут дополнять позиции и подходы друг друга.

Введение

За последние годы значительно возросло взаимодействие между российскими и китайскими аналитическими центрами, специализирующимися на международных отношениях. Регулярно проводятся двусторонние конференции, семинары и круглые столы; выпускаются совместные статьи и коллективные монографии; университеты-партнеры развивают научные обмены. Даже пандемия коронавируса не привела это сотрудничество к полному свертыванию и лишь вынудила временно перенести его из традиционного формата очного общения в киберпространство.

Большинство совместных проектов посвящены анализу различных аспектов двусторонних отношений, и проведением его занимаются, главным образом, российские эксперты по Китаю и китайские эксперты по России. Важность их работы не вызывает никаких сомнений. Однако российско-китайские отношения существуют не в вакууме. Обе страны живут и развиваются в очень плотной и чрезвычайно динамичной международной среде. Многие события как в соседних с Россией и Китаем регионах, так и в отдаленных уголках Евразии и даже на других континентах оказывают на них самое непосредственное влияние.

Эти события не только открывают для Москвы и Пекина новые возможности, но и создают дополнительные риски. Вот почему они нуждаются в постоянном отслеживании и тщательном экспертном анализе. Сравнение взглядов России и Китая на происходящие в мире события важно и в теории, и на практике, поскольку создает дополнительные возможности для координации внешнеполитических инициатив двух государств и предотвращения возможного недопонимания. В ряде случаев такое сравнение открывает новые горизонты для российско-китайского сотрудничества. Особенное значение это приобретает сегодня, когда влиятельные международные силы не жалеют усилий для ослабления российско-китайского стратегического партнерства, дезориентации Москвы и Пекина и обострения разногласий между ними по определенным вопросам. При любом удобном случае эти силы стараются представить две страны как противостоящие друг другу. Естественно, такой мониторинг и анализ требуют расширения состава экспертов путем привлечения специалистов из других стран, регионов и континентов. Как правило, такие российские и китайские специалисты никогда не работали вместе раньше, но именно это делает их взаимодействие и сотрудничество интересным и конструктивным.

Африка представляется одной из самых многообещающих областей для ведения расширенного диалога. Трудно переоценить роль африканского континента в нынешних, а тем более в будущих глобальных политических и экономических событиях. Есть все основания полагать, что Африка вполне может оказаться либо в центре фундаментальных проблем глобального порядка XXI в., либо незаменимым компонентом их решения.

Что касается первого варианта, то между Африкой будущего и Ближним Востоком сегодня вполне можно провести параллель. Она прослеживается и в отношении кризиса, который охватывает государственные институты и национальную идентичность на Ближнем Востоке, и паралича многосторонних механизмов региональной безопасности, и многочисленных конфликтов между государствами, и глубокого социального неравенства, и роста политического и религиозного радикализма. Эти негативные черты Ближнего Востока могут легко стать реальностью и для Африки уже в ближайшем будущем. Поскольку африканский континент намного больше Ближнего Востока, последствия надвигающейся дестабилизации континентального масштаба окажутся для международной системы намного разрушительнее нынешних региональных потрясений.

Во втором же варианте Африку будущего можно сравнить с сегодняшней Восточной Азией, ставшей главной движущей силой мировой экономики. Через несколько десятилетий центр глобальной экономической активности вполне может сместиться из постепенно стареющей Азии в еще очень молодую Африку, которая, таким образом, станет источником роста для всех других континентов. Это вовсе не означает, что все африканские проблемы будут решены автоматически, ведь восточноазиатские проблемы и сегодня далеки от окончательного устранения. Тем не менее, «восточноазиатская» модель, в отличие от «ближневосточной», превращает Африку из глобального политического «пассива» в «актив». Она перестает быть пешкой в руках различных внешних акторов и становится самостоятельным и влиятельным глобальным политическим игроком, а из проблемы мирового масштаба превращается в возможность мирового масштаба. Помочь Африке в том, чтобы она пошла именно по этому пути, отвечает всеобщим интересам.

Российский совет по международным делам и Институт международных и стратегических исследований Пекинского университета сравнили взгляды России и Китая на текущее положение дел в Африке и их представление о будущем развитии событий. Они также сопоставили стратегии, проводимые двумя странами, и оценили потенциал расширения российско-китайского сотрудничества на континенте. Позиции, представленные в этом докладе, отражают различный опыт России и Китая в Африке, уникальные особенности их национальных политических стилей, асимметрию в ресурсных базах Москвы и Пекина, а также набор инструментов, которые они используют в своей внешней политике. Внимательный читатель также заметит определенные различия в экспертно-аналитических подходах двух стран.

Вместе с тем совместный доклад убедительно свидетельствует о том, что Россия и Китай занимают близкие и даже идентичные позиции по фундаментальным вопросам мировой политики. Между двумя странами нет непримиримых разногласий. Более того, у них даже нет существенных расхождений в видении африканского континента или в восприятии рисков и возможностей, связанных с взаимодействием с африканскими партнерами.

Без преувеличения можно сказать, что Россия и Китай не соперничают за влияние в Африке, а, наоборот, могут дополнять усилия друг друга.

На данном этапе в докладе представлен лишь очень общий и сжатый обзор возможностей сотрудничества. Подготовка конкретных проектных предложений потребует привлечения новых экспертов и проведения дополнительных совместных целевых исследований. Тем не менее мы надеемся, что данный доклад станет пусть скромным, но важным шагом в осмыслении перспектив российско-китайского стратегического партнерства в одном из самых динамичных, непредсказуемых и интересных регионов мира.

Часть I. Африка глазами России и Китая Краткосрочные и среднесрочные перспективы Африки: взгляд из Москвы

В 2020 г. человечество охватил самый глубокий и сложный кризис с начала века. У этого кризиса есть много измерений: эпидемиологические, экономические, геополитические, международные, правовые, и это далеко не полный список. В том, что этот кризис носит глобальный характер, нет никаких сомнений. По сути, мировое сообщество претерпевает фундаментальные преобразования, происходящие ускоренными темпами. Не вызывает сомнений и тот факт, что эти преобразования будут иметь и уже имеют различные последствия для разных регионов. Как всегда бывает в поворотные моменты истории, мы станем свидетелями серьезных изменений в балансах сил на мировом и региональных уровнях, новых вызовов и новых возможностей для отдельных государств, перемен в традиционных наборах силовых инструментов внешних игроков и пр. Что касается Африки, то этот кризис, безусловно, будет иметь множество последствий, характерных только для этого региона.

Для Африки кризис 2020 г. характеризуют следующие ключевые аспекты: пандемия коронавируса, глобальный экономический спад и резкое падение цен на углеводороды и другое сырье, которые для многих стран континента традиционно являлись основными статьями экспорта. Сопутствующими факторами стали обострения конфликтов в Магрибе и Сахеле. Растущее геополитическое и экономическое соперничество между США и Китаем может предоставить африканским странам определенные дополнительные преимущества тактического плана. Однако в конечном итоге, от противостояния двух мировых гигантов африканские государства, скорее, проиграют, нежели выиграют, поскольку из глобальных политических игроков превратятся в потенциальные объекты соперничества или даже конфронтации.

Предварительный анализ краткосрочных и среднесрочных последствий системного кризиса для Африки позволяет выдвинуть несколько предположений:

- для многих африканских стран выход из кризиса будет гораздо сложнее и медленнее, чем мира в целом и наиболее успешных регионов (Восточная Азия) в частности, хотя отдельные африканские государства, безусловно, могут стать исключением и успешно преодолеть негативные последствия кризиса;
- системный кризис усугубит многочисленные негативные тенденции, уже существующие в Африке. Он может спровоцировать множество новых национальных и региональных политических, экономических и социальных

- кризисов. Многие хронические проблемы, существовавшие в Африке до 2020 г. и находившиеся в латентном состоянии, могут резко обостриться;
- в среднесрочной перспективе Запад будет постепенно терять интерес к развитию Африки; большинство африканских государств окажутся частично или полностью исключенными из новой системы экономических и технологических цепочек посткризисного мира;
 - Запад будет воспринимать африканский континент скорее, как проблему, нежели возможность. Ресурсы, которые Запад будет готов предоставить Африке в виде программ технологической и гуманитарной помощи, торговых преференций, субсидированных займов и т.д., будут сокращаться, а не увеличиваться;
 - текущие межгосударственные и гражданские вооруженные конфликты в Африке в основном так и не будут урегулированы; скорее всего, они продолжат периодически вспыхивать и затихать;
 - однако мы не можем полностью исключать возможность достижения Африкой мощного экономического и социального прорыва и крупных успехов в переходе к новой технологической парадигме и социальной стабильности, а также в модернизации государственных институтов. Вероятность оптимистичного сценария зависит от целого набора внутренних и внешних независимых переменных;
 - при приемлемом уровне международной стабильности важнейшей целью Африки в посткризисный период будет обеспечение устойчивого социально-экономического развития. Для этого континенту придется принять долгосрочные и болезненные меры по переходу к новой технологической парадигме;
 - африканские государства невозможно успешно модернизировать без реформирования международной экономической системы и составляющих ее институтов. Необходима новая «большая сделка» между глобальным Севером и глобальным Югом, в первую очередь отвечающая интересам Африки;
 - роль России в трансформации Африки неизбежно будет ограниченной, но не обязательно второстепенной. По всей вероятности, эта роль будет более заметной в сфере безопасности, чем в развитии;
 - в более отдаленном будущем стратегическая цель будет заключаться в преодолении цивилизационного разрыва между глобальным Севером и глобальным Югом. Необходимым условием для достижения этого является переход международной системы на принципиально новый, более высокий уровень глобального управления.

Ближайшие тенденции и вызовы

Пандемия в Африке

Пандемия коронавируса пришла в Африку позже, чем в большинство других регионов. Не совсем понятно, почему коронавирус вообще обошел

африканские государства в марте–апреле 2020 г. По мнению ряда экспертов, вирус не любит высокие температуры. Были и те, кто считал, что причина заключалась в меньшей интеграции большинства африканских государств в экономические, гуманитарные, туристические, образовательные и другие цепочки, которые влекут за собой трансграничное перемещение большого количества людей. Находились и те, кто видел причину в уникальности демографической структуры континента: в Африке просто нет такой концентрации пожилых людей, как на других континентах, а именно эта группа оказалась наиболее уязвимой перед лицом коронавируса. Еще одним возможным объяснением могли быть нехватка или полное отсутствие надежных тестов во многих африканских государствах. И, наконец, находились эксперты, объяснявшие устойчивость африканских государств к вирусу генетикой их населения.

Однако уже летом 2020 г. стало ясно, что речь идет об отставании, а не об иммунитете Африки. К началу августа в Африке был зафиксирован почти миллион случаев заболевания, причем более половины пациентов приходилось на два государства – Южную Африку и Египет. Следует также учитывать, что к середине 2020 г. пандемия COVID-19 еще не достигла своего пика в большинстве африканских государств. С точки зрения глобальной эпидемиологической ситуации, появление крупных очагов пандемии на севере и юге Африки означает, что предыдущие прогнозы масштаба пандемии, ее продолжительности и сопутствующие расходы на борьбу с ней придется пересмотреть. Предполагаемый конец глобального эпидемиологического кризиса откладывается как минимум на несколько месяцев или даже лет. Чем сильнее рассинхронизация распространения вируса между Африкой и остальным миром, тем больше отставание этого континента от остального мира. В результате Африка сильнее пострадает от разрыва экономических, политических, культурных и гуманитарных связей с остальным миром. Пандемия отправила в изоляцию и без того уязвимый континент.

Естественно, предотвращение распространения пандемии представляет особую сложность в тех местах Африки, где возможности для оказания оперативной гуманитарной помощи ограничены или вообще отсутствуют. К ним относятся районы, охваченные гражданскими и международными конфликтами, лагеря беженцев и перемещенных лиц, непризнанные государства и т.д. К счастью, самые апокалипсические прогнозы распространения пандемии в этих районах пока не сбылись, но угроза по-прежнему сохраняется. Кроме того, по мнению ряда экспертов, практика (широко распространенная в последнее время) использования в региональных конфликтах, в том числе в Африке, иностранных наемников также может содействовать дальнейшему распространению инфекции и привести к гуманитарным катастрофам в зонах конфликтов. Ситуация с коронавирусом в Африке станет особенно серьезной, если в ближайшие несколько месяцев не удастся достигнуть решительного прорыва в создании, тестировании и производстве эффективной антивирусной вакцины, и если пандемия носит сезонный характер.

COVID-19 окажет негативное влияние на экономические, социальные и политические процессы в африканских государствах. Пандемия может привести к всплеску религиозного фундаментализма, политического экстремизма и международного терроризма. В сочетании с резким падением экономической активности, ростом безработицы и разрушением социальной инфраструктуры, разочарованием в традиционной политической повестке дня и дискредитацией государственных институтов пандемия создаст практически идеальные условия для вербовки террористов. В силу того, что пандемия вынуждает членов мирового сообщества заниматься решением своих внутренних проблем, и в национальной иерархии приоритетов глобальных политических акторов борьба с международным терроризмом временно уходит на второй план, для террористических групп открываются новые возможности.

Катализатором распространения пандемии может стать и религиозный фундаментализм. Для многих фундаменталистов эпидемии – это давно обещанный Армагеддон, наказание человечества за его грехи. Спасение праведников и смерть грешников зависят исключительно от воли Бога, и вмешательство здесь не только бесполезно, но и недопустимо. Даже если оставить в стороне прямое противопоставление современной медицине, то простое игнорирование медицинских предписаний при проведении религиозных обрядов может свести на нет все усилия по сдерживанию пандемии.

Нынешний кризис подвергнет хрупкие политические институты африканских государств исключительно суровому испытанию, которое может привести к долгосрочному усилению тенденций авторитаризма при развитии этих государств. Проявления подобных тенденций уже наблюдаются во многих государствах континента. Так, в Эфиопии, относительно мало пострадавшей от пандемии и экономического кризиса, уже в марте 2020 г. было объявлено о переносе назначенных на август выборов на неопределенный срок. В апреле Египет использовал распространение коронавируса в качестве основного аргумента для очередного продления режима чрезвычайного положения (хотя он действует в Египте с апреля 2017 г.).

С другой стороны, политические лидеры ряда африканских государств нуждаются в особой поддержке своих вооруженных сил в ходе борьбы с коронавирусом, поскольку армия остается одним из наиболее эффективных государственных институтов. Усиление позиций вооруженных сил может оказаться долгосрочным явлением, не ограниченным продолжительностью пандемии как таковой. Вместе с тем эффективность армии как в борьбе с COVID-19, так и в управлении экономикой в условиях структурного кризиса, вызывает сомнения.

Структурный кризис мировой экономики

Весной 2020 г. мир погрузился в экономическую рецессию, которую большинство экспертов предсказывали давно, но ожидали не раньше 2021 г. или даже позже. До марта 2020 г. эксперты считали, что худшим, что может

произойти с мировой экономикой, является небольшой спад (с 3,5% в 2019 году до 2,5–3%). Большие надежды возлагались на заключение торгового соглашения между США и Китаем, которое, как ожидалось, укрепит оптимизм инвесторов и обеспечит стабильный экономический рост в течение года. Однако в марте стало ясно, что ожидания оказались очень далеки от реальности.

Экономическая история показывает, что от глобальных спадов особенно сильно страдают слабые и хрупкие экономики. Большинство африканских государств зависят главным образом от четырех источников внешнего финансирования (1) прямых иностранных и портфельных инвестиций, (2) денежных переводов от трудовых мигрантов, (3) доходов от иностранных туристов; и (4) программ помощи частных, государственных и международных доноров. Кризис больно ударил по всем четырем источникам. К сожалению, рассчитывать на быстрое восстановление хотя бы одного из них в данный момент не приходится.

Реакция финансовых рынков Африки на новую ситуацию была мгновенной. Уже в марте 2020 г. утечка капитала из африканских государств составила десятки миллиардов долларов, и отток капитала с этих рынков продолжился. К концу года падение частных портфельных инвестиций для некоторых африканских государств может достигнуть 80%¹, что, безусловно, будет представлять реальную опасность для стабильности национальных финансовых систем. Падение прямых иностранных инвестиций, судя по всему, будет менее резким, но к концу года оно тоже может составить 35%².

Согласно всем показателям, в 2020 г. эти рынки не смогут восстановиться полностью ни при каких обстоятельствах – скорее всего, на это потребуется несколько лет. Учитывая множество факторов неопределенности, которые всегда сопровождают кризис, инвесторы стараются отдавать предпочтение не прибыльности инвестиций, а их стабильности и надежности. Нарастающие, как снежный ком, финансовые проблемы в Африке кажутся особенно примечательными на фоне того, что мирового финансового кризиса в целом удалось избежать – по крайней мере, в первой половине 2020 г. Финансовый центр сегодняшнего мира будет продолжать поддерживать собственную относительную стабильность за счет, среди прочего, повышенной волатильности финансовой периферии. Вот почему в будущем Африку ожидают не только медленное восстановление ее финансовых рынков, но и вероятная финансовая нестабильность.

Пандемия коронавируса и мировой спад в экономике побудили западные страны закрыть свои границы, в том числе для трудовых мигрантов из Африки, что, безусловно, стало серьезной проблемой. Экономисты прогнозируют 20% снижение объема денежных переводов мигрантов из развитых

¹ The impact of the coronavirus (COVID-19) crisis on development finance // OECD. 24.06.2020.
URL: <http://www.oecd.org/coronavirus/policy-responses/the-impact-of-the-coronavirus-covid-19-crisis-on-development-finance-9de00b3b/>

² Ibid.

в развивающиеся страны, что для последних означает неполучение более 100 млрд долл.³ Снижение международных миграционных потоков с Юга на Север, вероятно, станет устойчивой тенденцией, которая сохранится после пандемии COVID-19 и окончания циклической рецессии. Пандемия объективно укрепляет позиции тех сил в Европе и США, которые традиционно выступали за ужесточение миграционного законодательства: мигранты из любых государств теперь рассматриваются как потенциальные носители вируса. А поскольку западная экономика переходит к новой технологической парадигме, потребность в дополнительных трудовых ресурсах неизбежно снижается, в том числе в тех областях, где традиционно использовалась рабочая сила из африканских государств. С другой стороны, уже не вызывает сомнений, что этот год окажется катастрофическим для мирового туризма. Всемирная туристская организация ООН (ЮНВТО) оценивает падение туристического потока на 20–30%, что означает сокращение доходов туристического сектора мировой экономики на 300–450 млрд долл.⁴ Для ряда африканских государств (Марокко, Южная Африка, Тунис, Египет, Зимбабве) иностранный туризм остается одним из основных источников дохода, и их предстоящие убытки будут измеряться миллиардами долларов.

В то время как глобальная повестка дня выдвигает на первый план вопросы, связанные с пандемией, традиционные приоритеты африканских государств, связанные с еще не выполненными задачами социально-экономической модернизации, неизбежно отодвигаются на второй план. Сохранить приверженность этим приоритетам международных организаций, многосторонних институтов развития, национальных агентств по оказанию технической помощи, а также государственных и частных благотворительных фондов будет намного сложнее. В ближайшем будущем совокупные финансовые ресурсы, поступающие в Африку с Запада, скорее снизятся, чем увеличатся, в то время как «бегство капитала» из Африки на Запад будет расти.

Предвосхищая такое развитие событий, еще в середине марта 2020 г. Международный валютный фонд решил отсрочить перечисление 1 млрд долл. 25 беднейшим странам, в основном африканским. Его примеру последовали ведущие кредиторы G20 и утвердили аналогичные изменения в отношении выплат 76 беднейшим странам мира в размере 20 млрд долл.⁵ Высшее руководство МВФ стремится реализовать амбициозные планы по значительному увеличению капитала Фонда с тем, чтобы располагать достаточными оборотными средствами на случай быстрого распространения пандемии в африканских государствах. Хотя Европа эти планы поддерживает, они вряд ли воплотятся в жизнь, поскольку США выступают против. Вашингтон считает, что Африке не нужно списывать долги и накачивать ее деньгами,

³ World Bank Predicts Sharpest Decline of Remittances in Recent History // World Bank. 22.04.2020.
URL: <https://www.worldbank.org/en/news/press-release/2020/04/22/world-bank-predicts-sharpest-decline-of-remittances-in-recent-history>

⁴ International tourist arrivals could fall by 20-30% in 2020 // UNWTO. 26.03.2020.
URL: <https://www.unwto.org/news/international-tourism-arrivals-could-fall-in-2020>

⁵ The IMF's Response to COVID-19 // International Monetary Fund. 28.10.2020.
URL: <https://www.imf.org/en/About/FAQ/imf-response-to-covid-19#Q1>

а требуются конкретные инвестиционные проекты, тем более, что, по оценкам международных организаций (в том числе ЮНКТАД), предполагаемые потребности африканских государств исчисляются не миллиардами долларов, а триллионами. Если африканским государствам не удастся достичь соглашения со своими кредиторами, то мы можем стать свидетелями цепной реакции национальных дефолтов с непредсказуемыми последствиями для международной финансовой системы в целом.

Текущие прогнозы относительно вероятных результатов, которые 2020 год принесет Африке, показывают, что даже в странах, наименее пострадавших от пандемии коронавируса, произойдет значительное снижение экономического роста по сравнению с 2019 г. Ожидания на 2021 год также корректируются и, в основном, в сторону снижения. Мы не можем исключить того, что в 2021 г. некоторым ведущим африканским странам не удастся полностью компенсировать свои потери 2020 г., и что стабильный экономический подъем в этом регионе начнется позже, чем в других.

Падение цен на нефть

На протяжении долгого времени для многих африканских государств экспорт энергоносителей и другого сырья был единственным стабильным связующим звеном с мировой экономикой. Вот почему падение спроса и цен на эти товары неизбежно поставило экономики этих стран в очень тяжелое положение. Конечно, падение мирового спроса на нефть весной 2020 г. почти на треть не может длиться долго – спрос начал восстанавливаться уже летом. Однако стабилизация мирового потребления нефти в 2020–2021 гг. на уровне, скажем, 90% от докризисных показателей повлечет для африканских экспортеров нефти (Нигерии, Анголы, Ливии и др.) очень серьезные последствия. Положение усугубляется тем, что эти государства, как и другие традиционные экспортеры нефти, будут испытывать растущее давление со стороны производителей сланцевой нефти на Западе, прежде всего со стороны американских компаний, которые в той или иной степени поддерживаются правительством США.

Никогда в прошлом аналогичные ситуации не приводили к столь резкому сокращению поступлений от продажи нефти, как сейчас. Уже в этом году падение доходов приведет к значительным дефицитам бюджета африканских стран, что потребует от их правительств принятия беспрецедентных мер по ужесточению финансовой дисциплины и радикальному сокращению существующих социальных программ. В свою очередь, даже ограниченный отказ от социального патернализма и увеличение налогового бремени населения может разжечь протестные настроения и придать импульс политической активности оппозиционных движений. В первую очередь это относится к странам с большим и быстрорастущим населением (Нигерия, Ангола, Алжир), в которых имеется мало возможностей для социального маневра. Никогда еще в XXI в. политическая стабильность во многих странах-экспортерах углеводородов не становилась столь хрупкой.

Сокращение поступлений от нефти создаст дополнительные трудности в период борьбы с пандемией коронавируса, в то время как население рассчитывает на получение социальной поддержки. Хотя структура нефтяного рынка постоянно меняется, временная корректировка цен на нефть до среднего уровня в 40, 45 или даже 50 долл. за баррель не может рассматриваться как долгосрочное решение проблемы для большинства африканских производителей. Их рыночная доля в любом случае будет намного меньше, чем в 2019 г., со всеми вытекающими последствиями для «нефтяной ренты» в целом. С другой стороны, для африканских государств, которые импортируют углеводороды, падение цен на нефть и газ может оказаться выгодным. Но при этом оборотной стороной падения затрат на импорт является неизбежное замедление развития альтернативных источников энергии (возобновляемых источников, ядерной энергии), в чем Африка и так значительно отстает от других континентов. Даже относительно богатые африканские страны сейчас пересматривают или замораживают амбициозные проекты в этих областях. Переносятся на будущее и национальные программы повышения энергоэффективности.

В любом случае крупномасштабное развитие альтернативной энергетики потребует как минимум нескольких лет непрерывных усилий и привлечения крупного внешнего финансирования и передовых западных технологий. Кроме того, любая диверсификация энергетики диктует необходимость постепенной отмены государственных субсидий на углеводороды как для предприятий, так и частных лиц. В условиях нынешней рецессии «денационализация» энергетического сектора во многих африканских странах окажется не только болезненной, но и политически рискованной. Скорее всего, реструктуризация африканского энергетического сектора будет отодвинута по меньшей мере на несколько лет, в то время как «энергетический разрыв» между Африкой и развитым миром будет не сокращаться, а становиться еще больше.

Зависимость Запада от африканских источников энергии и другого сырья может уменьшиться, что подорвет позиции Африки на многих международных экономических и политических площадках. У Запада появятся больше возможностей навязывать свои условия и правила игры рынкам энергоносителей и ресурсов. В политическом плане это усилит позиции тех, кто выступает за «уход» из нестабильных регионов Африки и Ближнего Востока. ОПЕК и аналогичные объединения экспортеров сырья окажутся в очень трудном положении, и часть из них могут даже прекратить свое существование.

Если адаптация к новой ситуации на энергетическом рынке повлечет за собой, среди прочего, ускоренное строительство в Африке атомных электростанций, то возрастут риски глобального распространения ядерного оружия (тем более что международный режим нераспространения может рухнуть). С другой стороны, долгосрочное падение спроса на африканскую нефть может произвести положительный эффект, в частности, устранить стимулы для иностранного, в первую очередь американского, вмешательства в дела континента, что позволит местным игрокам взять на себя большую ответственность за свое будущее.

В настоящее время, безусловно, крайне сложно уверенно предсказать вероятную динамику мировых цен на углеводороды даже на несколько месяцев вперед. Однако представляется очевидным, что от преобразования энергетического рынка в потребительский выигрывают в первую очередь крупнейшие импортеры нефти и газа: страны Европы и Восточной Азии. Для других потребителей выгода окажется меньше, и в ценообразовании они будут играть менее активную роль (за исключением США). Можно также предположить, что текущие сдвиги в мировом энергетическом секторе изменят региональный и континентальный баланс сил между развивающимися странами. Так, в Африке Эфиопия может стать относительно сильнее, в то время как позиции Нигерии ослабнут.

Среднесрочные вызовы и проблемы

Последствия «Регионализации»

Широко распространено мнение, что одним из долгосрочных последствий сегодняшнего кризиса станет экономическая «регионализация»: на фоне разрушения глобальных институтов и принципов свободной торговли, которые по-прежнему символизируются Всемирной торговой организацией, возникнут полузакрытые интеграционные союзы. Если этот прогноз окажется верным, то большинство африканских государств могут счесть нереальным создание собственного экономического региона. При таком сценарии глобального экономического развития роль «полноценных» регионов смогут играть Северная Америка (США, Канада, Мексика), Европа (Европейский союз и связанные с ним экономики небольших соседних государств) и Восточная Азия (если в силу геополитических причин экономическая взаимозависимость между Китаем и его торгово-экономическими партнерами, такими как Япония, Южная Корея и Тайвань, резко не сократится).

Группам государств с большей зависимостью от нерегиональных рынков и источников инвестиций (таких как АСЕАН в Юго-Восточной Азии или МЕРКОСУР в Латинской Америке) будет гораздо сложнее стать «полноценными регионами». Другие регионы глобального Юга, включая Африку, вряд ли смогут создать «полноценные» системы регионального экономического сотрудничества, поэтому им придется попытаться вписаться в группы экономических лидеров на заранее невыгодных условиях. Это не означает, что проект Африканской континентальной зоны свободной торговли (Af CFTA) обречен на провал. Однако превращение Af CFTA в полноценный интеграционный союз размером с континент вряд ли возможно в обозримом будущем из-за относительно низкого уровня взаимной торговли и неспособности построить полноценные производственные и технологические цепочки. В большинстве случаев «регионализация» будет означать ухудшение условий международной торговли для тех африканских государств, которые не имеют механизмов «безопасности», таких как отдельные соглашения с основными участниками мировой торговли.

Сложность формирования «полноценных» экономических регионов усугубляется вступлением мира в эпоху цифровой экономики, которая радикально меняет правила игры на глобальных рынках. Автоматизация и использование искусственного интеллекта в производстве создаст серьезные проблемы для экономик всех стран мира, но для Африки адаптация может оказаться более длительной и болезненной, чем для других регионов. Проблема безработицы уже стоит остро в африканских государствах, а автоматизация и сопутствующее «возвращение» определенных производственных мощностей на Запад, безусловно, увеличит масштабы этой проблемы и усилит процессы поляризации как между африканскими государствами, так и внутри самих стран.

Если власти окажутся неспособными обеспечить эффективные механизмы социальной и профессиональной мобильности, то большие группы населения начнут пополнять ряды маргинальных элементов и бедняков, склонных к политическому радикализму и различным формам протестной активности. Это, в свою очередь, может подтолкнуть власти к укреплению авторитарных механизмов управления. Еще одна появившаяся проблема связана с молодыми специалистами, которые включены в удаленные международные цепочки производства товаров и услуг и выпадают из производственных циклов внутри своих государств. Это своего рода «производственная эмиграция» без смены места жительства.

Неравенство в доступе к высшему образованию также может усилиться в посткризисном мире и породить новые проблемы. С одной стороны, вероятное снижение мобильности студентов негативно отразится, прежде всего, на африканской молодежи – большинство источников финансирования ее образования на Западе иссякнут, и, кроме того, она столкнется с ужесточением иммиграционного законодательства в развитых странах. С другой стороны, бюджетные проблемы в африканских государствах приведут к тому, что национальное высшее образование будет, в основном, не государственным, а переданным в руки частных университетов и колледжей. Высшее образование, которое они предлагают, относительно дешевое, но его качество оставляет желать лучшего. Выпускники элитных университетов, образование в которых отличается высоким качеством и востребовано на мировых рынках, будут стремиться найти работу на Западе, а не в Африке. Следовательно, проблема кадрового обеспечения основных направлений социально-экономической модернизации будет обостряться.

Трудно предугадать, какие последствия мировая экономическая регионализация будет иметь для экологии глобального Юга, но почти не вызывает сомнения, что после провала усилий по установлению единых мировых обязательных экологических стандартов деградация природной среды во многих африканских государствах начнет набирать обороты. В сочетании с быстрым ростом населения это приведет к резкому снижению качества жизни, что, в свою очередь, будет иметь серьезные социальные, экономические и политические последствия.

Фактором первостепенной важности наверняка станет глобальное потепление, а до недавнего времени руководители большинства африканских государств почти не задумывались о его неизбежных последствиях. Климат на континенте станет суше, чем сегодня, нехватка воды превратится в проблему практически всех стран. Но даже если изменение климата в африканских государствах приведет к увеличению количества осадков или речных ресурсов, то они не смогут использовать дополнительные водные ресурсы для повышения эффективности сельского хозяйства, поскольку из-за повышения среднегодовой температуры эти ресурсы подвергнутся большому загрязнению.

Относительно богатые государства Африки смогут решить проблему нехватки воды путем реализации дорогостоящих проектов по опреснению морской воды, но для бедных стран такой вариант нереален. Эффективность сельского хозяйства во многих странах упадет, а зависимость Африки от импорта продовольствия усилится. В настоящее время Африка вынуждена импортировать продукты питания на 35 млрд долл. в год⁶. Ожидается, что к 2025 г. импорт вырастет до 110 млрд⁷ долл., а платежеспособный спрос будет снижаться. Свою лепту в этот процесс вносит и опустынивание, еще больше усугубляя проблему. Основным социальным результатом экологического и ресурсного кризиса станет ускорение стихийной урбанизации. Большие массы бывших крестьян, неспособных поддерживать традиционный образ жизни, будут вынуждены переехать в уже и без того перенаселенные мегаполисы. Соответственно, будет нарастать социальная напряженность.

В более отдаленном будущем глобальные изменения климата так или иначе затронут все регионы мира, но разные государства испытают их последствия в разных масштабах. Африка неизбежно окажется в числе наиболее пострадавших: стихийные бедствия, засухи и аномальные температуры станут более частыми; пустыни будут продолжать расти; усугубится дефицит пресной воды. На Африку сильно повлияет изменение уровня океана. Африканским государствам придется иметь дело с растущей нехваткой природных ресурсов, в том числе продуктов питания, с нестабильными ценами на все эти ресурсы и с постоянной угрозой новых пандемий. Особую обеспокоенность вызывает то, что ухудшение состояния окружающей среды в Африке будет происходить на фоне быстрого роста населения.

В недавнем прошлом развитые государства Запада разрешали и даже поощряли перенос «грязных» и энергоемких производств в Африку, что позволяло им повышать свои экологические стандарты. Однако в посткризисном мире эти государства будут все чаще вводить прямые и косвенные налоги на импорт продуктов, не произведенных в соответствии с внутренними стандартами Европейского союза или США. Таким образом, возрастающая

⁶ United Nation Conference on Trade and Development // COVID-19: A threat to food security in Africa. 11.08.2020.
URL: <https://unctad.org/news/covid-19-threat-food-security-africa>

⁷ Ibid.

«экологическая ответственность» Запада будет способствовать выпадению Африки из международного разделения труда. Под угрозой окажется не только сектор промышленного экспорта Африки, но также туризм и сельское хозяйство, а они – основа экономики многих африканских стран. В то же время разрушение природных экосистем ускорит и опередит аналогичные тенденции в большинстве развитых государств.

Множество экономических и социальных проблем, связанных с изменением климата, подорвут политическую стабильность. Вина за растущую нехватку продуктов питания, пресной воды и стихийные бедствия будет возложена на правительства, лишая их легитимности и провоцируя насилие, перевороты и международные конфликты. Ни у Африки, ни у мира в целом нет достаточного опыта в предотвращении или урегулировании конфликтов, возникающих из-за экологических проблем и изменения климата.

Таким образом, продолжение глобализации в форме регионализации не откроет для Африки никаких новых возможностей. Напротив, регионализация препятствует вхождению африканских стран в мировую экономику и лишает их многих сравнительных преимуществ, которыми они обладали в предыдущей версии глобализации. Регионализация нанесет значительный ущерб и Западу, но, в целом, по сравнению с Африкой Запад лучше подготовлен к регионализации.

Социальное расслоение и нестабильность

Африку всегда отличало резкое расслоение общества в социально-экономическом отношении. Значительный разрыв в доходах между бедными и богатыми существует как внутри отдельных стран, так и между ними. Для Африки всегда были характерны более высокие региональные диспропорции (между столицами стран и периферией, между городскими и сельскими районами), чем во многих других регионах. Есть все основания полагать, что нынешний кризис усилит социальную поляризацию в силу форсированной концентрации национального богатства в руках небольших элитных групп и увеличением количества людей, живущих за чертой бедности.

Кризис увеличит существующий разрыв между элитами и большинством населения; возможности социальной мобильности и перспективы трудоустройства будут по-прежнему крайне ограниченными, в первую очередь для африканской молодежи и женщин, а во многих случаях и для национальных и этнических меньшинств. Такое развитие событий подорвет социальную стабильность, особенно в условиях неэффективного государственного управления, широко распространенной коррупции и кумовства.

Не исключено, что в Африке будут набирать силу левые и другие популистские движения, выступающие за перераспределение ресурсов в пользу беднейших слоев населения. Однако трудно себе представить, что в Африке произойдет нечто похожее на латиноамериканскую «левую волну» начала века или арабскую весну 2010–2011 гг., поскольку в большинстве африканских государств возможности для общенациональной социально-поли-

тической мобилизации населения представляются сегодня крайне ограниченными. Более вероятно, что центральные власти потеряют де-факто (но не де-юре) часть контроля над отдаленными регионами, где появятся харизматичные местные лидеры, претендующие на легитимность и власть на своих территориях.

В случае если пандемия COVID-19 будет носить сезонный характер, а противовирусные вакцины окажутся недостаточно эффективными, эти тенденции могут быть усилены периодическими вспышками COVID-19. Для новых вспышек пандемии в африканских государствах есть все предпосылки. В большинстве государств системы общественного здравоохранения отличаются слабость и уязвимость. Нехватка доступных лекарств усугубляется перенаселенностью, особенно в стихийно разрастающихся и плохо управляемых городских кварталах. Принимая во внимание кризис Всемирной организации здравоохранения и предстоящее сокращение ее бюджета после выхода из нее США, сложно сказать, в какой степени Африка может рассчитывать на международную поддержку в этой области.

В отличие от глобального Севера для Африки серьезной долгосрочной проблемой является чрезвычайно высокая доля теневой экономики. Понятно, что в определенных случаях теневой сектор позволяет выжить в условиях острого кризиса, но он же снижает эффективность любых социальных программ и экономических реформ. Кроме того, теневая экономика служит питательной средой для организованной преступности, в том числе трансграничной. По прогнозам экспертов, в посткризисном мире произойдет взрывной рост незаконного оборота наркотиков.

По окончании нынешнего системного кризиса экономическая и эпидемиологическая ситуация в Африке будет продолжать усугубляться повсеместной коррупцией, неэффективным государственным управлением на всех уровнях и международными санкциями, введенными в отношении некоторых африканских государств и территорий, которые останутся в силе и, возможно, ужесточатся. Даже наличие у государства финансовых ресурсов не гарантирует их эффективного использования. Так, ливийское правительство в Триполи выделило 350 млн долл. на борьбу с пандемией, но этих средств заведомо недостаточно из-за нехватки медицинских учреждений, разрушенных в ходе многолетней гражданской войны. Во многих африканских странах население не доверяет государственным институтам и не выполняет их рекомендации, способствуя тем самым распространению эпидемии.

Одним из долгосрочных последствий распространения пандемии в Африке и нарастания экономических проблем континента станет увеличение количества так называемых «несостоявшихся государств». В Африке есть конфликты, которые не затухают уже много лет (Судан, Сомали). Экономическая и социальная инфраструктура в таких местах частично или полностью разрушена, а доступ к помощи, предоставляемой международными гуманитарными организациями, ограничен. Как правило, бороться с распростране-

нием новых инфекционных заболеваний в Африке сложнее, чем в Европе или Восточной Азии. А дальнейшая эрозия государственности в нестабильных государствах приведет к эскалации конфликтов.

По мнению отдельных экспертов, кризис 2020 г. должен послужить катализатором давно назревших социальных преобразований в африканских государствах, направленных на преодоление неравенства, борьбу с коррупцией и теневой экономикой, повышение эффективности государственного управления и модернизацию социальной инфраструктуры. Кризис может также стимулировать децентрализацию власти, давно назревшие административные реформы и укрепление института местного самоуправления. Ускорить эти события могла бы сопровождающая кризис смена поколений в политических и деловых кругах многих африканских государств. Однако из-за острой нехватки финансовых ресурсов и быстрого роста населения осуществить всеобъемлющие социально-экономические преобразования будет крайне сложно. Интенсивная и в значительной степени стихийная урбанизация увеличит нагрузку на социальную инфраструктуру. В африканских государствах начнут расти городские агломерации с десятками миллионов жителей, и дополнительный импульс этому процессу придадут изменение климата и нарастающие со скоростью снежного кома экологические проблемы, которые не позволят сохранить занятость в традиционном сельском хозяйстве.

Стремительная урбанизация может как создать новые возможности для повышения социального статуса и укрепления национальной идентичности, так и привести к обратному результату, усилив существующее социальное расслоение и неофициальную социальную сегрегацию. Даже сейчас мы видим, как африканские элиты и средний класс перемещаются в закрытые городские кварталы, в то время как бывшие крестьяне и беженцы стихийно создают трущобы на окраинах мегаполисов, не имея доступа к городским коммуникациям и услугам и даже правового статуса городских жителей. Вопрос о том, сможет ли продуманное городское планирование остановить эти негативные тенденции, не говоря уже о том, чтобы обратить их вспять, остается открытым.

Социальная напряженность между привилегированными столицами и другими городскими центрами, скорее всего, усилится, поскольку последние финансируются по остаточному принципу и требуют перераспределения ресурсов в свою пользу. В конфликтных и постконфликтных ситуациях развитие городов может стать дополнительным источником напряженности. Наконец, существующая в стране политическая нестабильность может препятствовать развитию городской автономии и децентрализации, необходимой для эффективного городского управления.

В целом, утверждение, что африканские страны сталкиваются с повышенными рисками, связанными с социальной поляризацией и сопутствующей политической напряженностью, представляется справедливым. В то же время национальные социальные революции, сопоставимые с революци-

ями XIX–XX вв. в Европе и Азии, представляются маловероятными. Политический радикализм будет связан, скорее, с групповой идентичностью, чем с социально детерминированными (классовыми) интересами. Это станет серьезным препятствием на пути к достижению какого-либо посткризисного «общественного договора», поскольку достичь компромисса по интересам всегда легче, чем компромисса по идентичности.

Угрозы политического радикализма

Как показывает исторический опыт, при столкновении с серьезным кризисом (войны, террористические атаки, стихийные бедствия, эпидемии) общества, как правило, имеют тенденцию к объединению вокруг национальных лидеров, и их политические, экономические, идеологические и другие различия временно отодвигаются на задний план. Вспышка системного кризиса в 2020 г. способствовала укреплению социально-политического единства не только в Европе и Восточной Азии, но и в Африке. Во многих странах уличные протесты пошли на убыль, рейтинги национальных лидеров выросли, и даже оппозиция призвала к «коронавирусному перемирию».

Вместе с тем тот же исторический опыт показывает, что такое единение не может быть продолжительным, особенно если руководство страны не добьется успехов в борьбе с кризисом, которые были бы очевидными и значимыми для основных социальных групп. В первую очередь, это характерно для бедных государств, население которых не имеет достаточных сбережений для поддержания своего существования на протяжении значительного периода времени в сложной экономической ситуации. Кратковременное устремление к национальному единству сменяется разочарованием и раздражением, вызванными обманутыми ожиданиями, которые люди возлагали на свое национальное руководство. Нынешние высокие рейтинги национальных лидеров не должны вводить в заблуждение: такие же высокие рейтинги имели многие ближневосточные автократы накануне «арабской весны».

Если в нестабильных африканских государствах и без того слабые государственные институты будут ослабевать и дальше, а государственная идентичность подвергнется сопутствующей эрозии, то велика вероятность возрождения трайбализма и других форм групповой идентичности, включая религиозную, этническую, региональную, племенную и даже возрастную и гендерную. Эта тенденция еще больше ослабит государственные институты и правовые механизмы отражения групповых интересов в общенациональных политических процессах. В результате возникает порочный круг негативных причинно-следственных связей. Кризис государственности, назревший задолго до 2020 г., не обязательно примет форму классического сепаратизма. При этом вызов групповой идентичности может во многих отношениях представлять гораздо большую опасность, поскольку он не поддается четкому выявлению, и на фоне ухудшающейся экономической ситуации и растущего социального расслоения найти эффективные контрмеры становится еще сложнее.

Архаичные авторитарные режимы, гибридные режимы и незрелые демократии, типичные для большинства африканских государств, не в состоянии быстро найти адекватные ответы на этот вызов. Большинство из них по-прежнему считают разнообразие источником не силы, а, наоборот, слабости. Вот почему их реакцией на рост групповой идентичности, скорее всего, станет усиление скрытой или открытой дискриминации и сегрегации меньшинств, подавление инакомыслия, насильственное навязывание «общенациональной» идентичности и т.п.

Подобные действия могут, среди прочего, повысить привлекательность радикальных религиозных движений. Роль религиозного фактора в Африке может широко варьироваться и во многом будет зависеть от продуманности и рациональности решений, принимаемых в той или иной африканской стране. Можно было бы предположить, что дальнейшая религиозная раздробленность, центробежные тенденции в религиозной жизни и уменьшение влияния официальных религиозных иерархических структур на индивидуальный религиозный выбор сформируют общую долгосрочную тенденцию. Однако развитие религиозного плюрализма вовсе не обязательно повлечет за собой гармонизацию межконфессиональных отношений. Неблагоприятное развитие событий может привести к дальнейшей фрагментации и даже углубить расслоение, вбивая клин между сторонниками секуляризации, с одной стороны, и стойкими верующими, с другой. Новый раскол может выйти из-под контроля и бросить вызов как государственным властям, так и лидерам местных сообществ.

Желая поддержать единую национальную идентичность, власти могут вернуться к традиционному секулярному авторитаризму и принести в жертву этому желанию права человека и меньшинств. При отсутствии мощных государственных институтов и опыта в достижении компромиссов плюрализм может спровоцировать власти на попытки восстановить национальное единство «любой ценой», что повлечет за собой местные религиозные и этнические чистки и дискриминацию религиозных меньшинств.

На фоне бездействия официальных властей или недостаточной эффективности предпринимаемых ими мер, пандемия и экономические трудности уже активно используются радикальными, экстремистскими и даже террористическими группировками для укрепления своей легитимности. Когда власти не в состоянии предоставить населению даже элементарные социальные услуги, на смену государственным приходят негосударственные структуры, в том числе организованная преступность. Например, в Северной Африке набирает обороты повседневная практика, при которой наркодилеры или «смотрящие» за потоками нелегальной миграции поддерживают местные сообщества, предлагают «неофициальную» работу и т.д.

Хотя вероятность общенациональных социальных революций представляется низкой, резкий всплеск политической активности различных групп, в том числе радикальных, вполне возможен. Следует ожидать и активизации деятельности радикальных трансграничных политических движений

всех видов, что также ставит под сомнение применимость «вестфальских» принципов к обширным регионам африканского континента. Соответственно, возникает вопрос, является ли тенденция к укреплению национальных государств в посткризисном мире действительно универсальной.

Продвижение авторитаризма

Как отмечалось ранее, многие проблемы Африки проистекают из институциональной слабости ее стран, некоторые из которых де-факто уже являются «несостоявшимися» государствами. Тем не менее государства посткризисной Африки, несомненно, будут по-прежнему претендовать на статус основных политических, социальных и экономических акторов, и позиционировать себя как главных или даже единственных гарантов выживания национальных элит. Даже если государство окажется неспособным бороться с пандемией коронавируса и минимизировать последствия экономического кризиса, то оно все равно будет пытаться показать себя достаточно сильным для осуществления эффективного контроля над политическим и экономическим пространством страны. Это относится как к отдельным элементам государственного аппарата (чиновникам, военным, полиции, силам безопасности, государственному сектору), так и к формам системы государственного контроля (связи с клиентами, имитация демократических процедур и институтов, «вертикаль власти», «экономический микро контроль» и пр.).

Обращение к авторитаризму как единственному надежному инструменту сохранения государственности является одним из наиболее вероятных ответов на угрозы политического радикализма и укрепления групповой идентичности в Африке. Эта тенденция будет наблюдаться не только в тех государствах, где авторитарное правление является укоренившейся традицией, но и в странах с демократическими режимами. Соблазн прибегнуть к авторитарному правлению будет усиливать нарастание нерешенных проблем социально-экономической и политической модернизации. Среди этих проблем – экономическое неравенство и социальное расслоение в обществе, безработица и низкая эффективность государственных институтов.

В краткосрочной и среднесрочной перспективе последовательная и стабильная демократизация политической жизни в большинстве авторитарных и гибридных режимов в Африке представляется маловероятной. Это связано не только с эффективностью политических репрессий, но и с разобщенностью оппозиционных движений и несовместимостью предлагаемых ими программ. Печальный опыт арабской весны десятилетней давности представляется весьма актуальным и для Африки. Кроме того, в ближайшие годы можно ожидать, что в Африке произойдет качественный прорыв в технологиях социально-политического манипулирования, в том числе активное использование современных информационных и коммуникационных технологий.

Следует учитывать, что африканские элиты все больше разочаровываются в западных моделях либеральной демократии, поскольку Запад оказался

неспособен продемонстрировать успешную модель борьбы с пандемией. Разочарование в либеральных моделях развития будет подпитывать растущие и неизбежные антизападные настроения, тем более что основное внимание ведущие западные государства будут уделять решению своих внутренних проблем, а их участие в решении разнообразных проблем Африки будет носить ограниченный характер. Кроме того, в посткризисном мире США и государства-члены Европейского союза, осознавая свои ограниченные возможности и сталкиваясь с многочисленными внутренними вызовами политическому либерализму, скорее всего, больше не будут пытаться реализовать на практике свою некогда модную стратегию «экспорта демократии».

Быстрое распространение информационных и коммуникационных технологий в Африке создает дополнительные возможности для социальной и политической мобилизации групп населения, выступающих в поддержку оппозиционных сил. В тех случаях, когда авторитарные режимы не в состоянии взять под свой контроль Интернет, возникают предпосылки для быстрого развития «виртуального гражданского общества» с участием традиционно наименее активных групп населения (женщины, безработные, этнические и религиозные меньшинства). Деятельность таких групп может стать важным фактором, ускоряющим социальную и политическую трансформацию африканских государств. История показывает, что широкое использование информационных и коммуникационных технологий в политических целях создает как новые возможности, так и новые риски.

Если тем, кто поддерживает сохранение политического статус-кво, каким-то образом удастся справиться с массовыми протестными движениями, то основным источником нестабильности в африканских государствах, по всей видимости, станут многочисленные конфликты внутри правящих элит. Среди них – противостояние между военными и технократами, националистами и компрадорами, религиозными и светскими лидерами, а также между другими противоборствующими группами. Во многих из этих государств остаются нерешенными проблемы передачи политической власти, что создает предпосылки для всевозможных дворцовых переворотов, военных путчей, заговоров и т.п.

Хроническая политическая нестабильность будет постепенно снижать эффективность государственного управления, порождать коррупцию, подпитывать радикальную оппозицию и препятствовать социально-экономической модернизации. Авторитарные режимы, жестоко подавляющие собственных граждан, могут привести к потере легитимности нынешних лидеров, что, в свою очередь, повлечет за собой новые расколы в правящих элитах и придаст импульс центробежным политическим тенденциям. Помимо потери легитимности в своих странах, жесткие авторитарные лидеры потеряют легитимность и в глазах Запада, что приведет к сокращению программ технической и финансовой помощи и введению всевозможных санкций.

Многие африканские государства могут оказаться в ловушке растущих ожиданий населения и ограниченных возможностей властей оправдать эти

ожидания. Население ждет сохранения патерналистского общественного договора и создания новых условий для социальной мобильности, а на деле получит ужесточение государственного контроля. Это противоречие немедленно увеличит разрыв между правящими элитами и обществом со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями для социально-политической стабильности. Попытки укрепить государства с целью ускорения авторитарной социально-экономической модернизации могут вылиться в усиление репрессий, особенно когда государство вынуждено принимать непопулярные решения и обременять население дополнительными расходами на модернизацию.

Репрессивные государства будут обмениваться опытом и совершенствовать методы подавления оппозиции, однако образование автократиями стабильных коалиций и союзов маловероятно. На региональном уровне сильные авторитарные режимы примут жесткие меры для защиты своего суверенитета, выстраивая отношения с соседями как игру с нулевой суммой и пытаясь извлечь выгоду из разногласий между великими державами. Такой подход делает маловероятным создание каких-либо региональных или континентальных систем коллективной безопасности в Африке.

Риски обострения региональных конфликтов

В региональном плане первым следствием пандемии коронавируса стала корректировка региональных балансов сил, появление дополнительных возможностей для одних игроков и дополнительных трудностей для других. Два очевидных претендента на роль континентального лидера – Южная Африка и Египет – пострадали от пандемии больше других, что ограничивает их возможности по сравнению с другими африканскими государствами.

Глобальная чрезвычайная ситуация, вызванная пандемией, и необходимость демонстрации населению своей решительной позиции, могут подтолкнуть авторитарные политические режимы к «точечной» региональной эскалации. С одной стороны, на фоне надвигающейся гуманитарной катастрофы пандемия может активизировать усилия по достижению политического соглашения. С другой стороны, возможна и обратная ситуация: пандемия еще больше ограничивает возможности сотрудничества соседних государств. В свою очередь, продолжающиеся вооруженные конфликты резко сократят возможности борьбы с пандемией. Больницы, военные госпитали, поликлиники и другие медицинские учреждения часто становятся главными мишенями для враждующих сторон.

Пандемия, очевидно, будет иметь еще одно последствие для региональных конфликтов, а именно: изменение соотношения между наземными и воздушными операциями. Коронавирус сдерживает ведение наземных боевых действий, поскольку в них участвует большое количество бойцов, которые могут заразиться. Боевая авиация могла бы проводить «стерильные» налеты, максимально защитив пилотов от заражения. Вот почему при

неизбежном снижении интенсивности наземных боевых действий во время пандемии, воздушные операции могут продолжаться на прежнем уровне. Соответственно, чаша весов на поле боя склоняется в пользу стороны, имеющей эффективные военно-воздушные силы или поддержку со стороны иностранных партнеров с соответствующим потенциалом.

Никто не может с уверенностью предсказать, какой из многих нынешних конфликтов в Африке будет успешно урегулирован в ближайшем будущем, а какой – нет. Еще сложнее предположить, какие из возможных новых кризисов и противостояний окажутся наиболее значительными. Судя по всему, конфликтные ситуации все больше будут связаны с борьбой за ресурсы (в том числе за воду), со статусом этнических и конфессиональных меньшинств, с управлением миграционными потоками, а также с попытками укрепить свое положение на территориях так называемых «несостоявшихся государств». Особое распространение получают попытки «интернационализировать» гражданские войны и другие внутренние конфликты с целью вовлечения в них как соседних государств, так и претендентов на региональную гегемонию.

Текущие конфликты (даже если их удастся удовлетворительно урегулировать) наверняка окажут влияние на африканский мир на десятилетия вперед. Точно так же не вызывает сомнения, что многие из вышеперечисленных тенденций тем или иным образом создадут дополнительный конфликтный потенциал и риски возрождения прежней напряженности, этнических стереотипов и исторических обид. Растущие военные расходы африканских государств и их усилия по преодолению разрушительных последствий конфликтов могут отвлечь и без того ограниченные ресурсы от решения не менее важных социальных и экологических задач. Одновременно с этим страны в зонах конфликтов утратят свою привлекательность в глазах иностранных инвесторов. В конечном счете, многие африканские государства могут упустить время для подготовки к вызовам середины века. Этим государствам грозит всеобъемлющий кризис развития, справиться с которым они не смогут.

В то же время относительно успешные государства Африки задумаются о приобретении ядерного оружия, которое они будут воспринимать как единственную гарантию своей национальной безопасности. Тенденция распространения ядерного оружия станет особенно заметной, если США продолжат сворачивать гарантии безопасности, данные их партнерам. При этом многие африканские государства могут посчитать более привлекательным приобретение не ядерного, а химического оружия, поскольку оно доступнее, дешевле и практичнее в применении.

Африка в XXI в.: взгляд из Пекина

На протяжении десятилетий Африка воспринималась на Западе как территория провалов и кризисов, темное пятно в эпоху глобализации и, следовательно, бремя на пути развития и моральный вызов для остального мира. В колониальную эпоху западные державы навязывали континенту сырьевые политические и экономические системы, препятствовали коммерческому объединению установлением искусственных границ и обусловили задержку промышленного и технологического развития в Африке. После обретения независимости многие африканские страны в 1960-х и 1970-х гг. встали на путь амбициозного государственного развития и, начиная с 1980-х гг., были вынуждены проводить реформы структурной перестройки, правда, без особого успеха. В период холодной войны на Африку негативно повлияла конкуренция со стороны сверхдержав, и ей пришлось поддерживать асимметричные и неравноправные связи с бывшими колониальными державами – эту модель первый президент независимой Ганы Кваме Нкрума назвал «неоколониализмом». Между тем именно в эпоху холодной войны Китай установил с африканскими странами дружеские отношения и проявил с ними солидарность. Такая политика Китая и по сей день продолжает определять его дипломатическое взаимодействие с континентом.

После окончания холодной войны геополитическое значение африканского континента значительно снизилось, что в 1990-х гг. вызвало «усталость от помощи» у ведущих западных доноров. В то же время, ускорение глобализации под влиянием Вашингтонского консенсуса побудило промышленно развитые страны, особенно США, реконструировать глобальные производственные цепочки и переместить трудоемкие отрасли в регионы с низкими издержками (например, в Восточную Азию). Из-за долгого периода колонизации экономика Африки страдала от острой нехватки современной инфраструктуры, низкого промышленного потенциала и слабого развития потребительских рынков. От перемещения глобальных производственных цепочек экономика континента выиграла мало, но он сам стал местом, куда западные страны принялись экспортировать демократию и идеологию. В отличие от них, главной целью «возвращения на континент» в 1990-х и начале 2000-х гг. Китая, некогда активно участвовавшего в перипетиях холодной войны в Африке, было развитие коммерческих связей (в сфере ресурсов, торговли и инвестиций). При этом Пекин не выдвигал никаких политических условий и воздерживался от вмешательства во внутренние дела.

Начало XXI в. ознаменовалось резким изменением международного дискурса о континенте. Благодаря устойчивому экономическому росту, растущему значению природных ресурсов, возросшей доле в мировом населении, а также быстрому расширению дипломатических и торговых связей с внешним миром, Африка – некогда «безнадежный континент» – стала теперь рассматриваться как поднимающаяся с колен и внушающая надежды. Выражение «набирающая силу Африка» стало воплощением прео-

бразующего начала того, каким континент станет в будущем. Хотя в определенных его частях источники конфликтов по-прежнему представляют угрозу, африканским странам удалось сохранить общую политическую стабильность и показать положительный экономический рост за последнее десятилетие. Африканская континентальная зона свободной торговли (Af CFTA) – знаковая инициатива африканской интеграции и самоукрепления, соглашение о которой было подписано в начале 2018 г., – начинает набирать обороты в устранении тарифов и торговых барьеров и предоставлении свободного доступа к товарам и услугам на всем континенте.

Именно в этом контексте растущее присутствие и влияние Китая в Африке побудило других крупных международных игроков «открыть Африку заново». Возрастание политического, экономического и стратегического значения Африки привлекло внимание к континенту правительств и деловых кругов со всех уголков мира. Теперь в число партнеров Африки входят не только традиционные западные державы и Китай, но, что более важно, страны с развивающейся экономикой, такие как Россия, Индия, Бразилия, Турция, Южная Корея, Индонезия и Малайзия. Это вызвало так называемую третью волну «Драки за Африку» (после Берлинского конгресса в конце XIX в. и холодной войны в XX в.). Только на этот раз, если Африке удастся грамотно себя позиционировать, то в выигрыше могут оказаться сами африканцы.

Пандемия COVID-19, начавшаяся в январе 2020 г., застала весь мир врасплох. Это новое инфекционное заболевание, несомненно, унесет много жизней и в ближайшем будущем нанесет серьезный ущерб экономике Африки. Скорее всего, Африке придется пережить первый за 25 лет серьезный спад. По состоянию на ноябрь 2020 г., в Африке зарегистрировано более 1,7 млн подтвержденных случаев заражения коронавирусом, что составляет 3,7% от их общего количества в мире. Хотя риск заболевания все еще существует, своевременные ответные меры, принятые Африканским центром по контролю и профилактике заболеваний, а также эффективные усилия национальных и местных властей по обеспечению соблюдения социальной дистанции и оказанию помощи маргинализированным группам населения замедлили распространение вируса. Молодое население Африки и накопленный опыт борьбы с такими инфекционными заболеваниями, как Эбола и ВИЧ/СПИД, также помогли смягчить разрушительные последствия COVID-19. Это ни в коей мере не означает, что меры по изоляции, направленные на предотвращение распространения вируса, не будут иметь негативных последствий для рынков и возможностей людей получать средства к существованию. Но на данный момент можно констатировать, что Африке удалось опровергнуть апокалипсические прогнозы многих экспертов о будущем континента из-за вспышки пандемии COVID-19.

Несмотря на насущные проблемы Африки, вызванные пандемией и глобальным экономическим спадом, Китай продолжает смотреть на перспективы развития континента с определенным оптимизмом. В предварительном анализе нынешней ситуации в Африке, изложенной ниже, мы выделяем три

момента, которые охватывают сферы социально-экономического развития континента, его политического развития, а также мира и безопасности.

С начала века до пандемии COVID-19 экономика Африки в целом демонстрировала устойчивый рост. Хотя Африке и придется преодолевать негативные последствия рецессии, но ее приверженность регионализации, созданию инфраструктуры и индустриализации носит необратимый характер. Проблема долговых обязательств Африки действительно существует, однако ее острота была сильно преувеличена с тем, чтобы использовать в международном дискурсе для дискредитации растущего влияния Китая в Африке.

То, как в последние несколько лет африканские страны управляют процессом передачи власти мирным путем, демонстрирует их умение и мудрость в преодолении политических разногласий. В связи с появлением политики идентичности и пандемическим шоком, нам необходимо внимательно следить за развитием политической поляризации на континенте и растущими проблемами партий, давно находящихся у власти.

С 2015 г. общая ситуация в плане безопасности в Африке улучшилась. Тем не менее, экстремистские группировки исламистов продолжают собирать силы и активизировать свою деятельность в ряде регионов, включая Сахель, бассейн озера Чад, Сомали и Северную Африку. Растущее неравенство, регресс в процессах демократизации и неуправляемая урбанизация становятся новыми источниками насилия.

Социально-экономическое развитие

Экономика Африки восстановилась после резкого падения цен на сырьевые товары в 2015 и 2016 гг. Общий рост составил 3,2% в 2018 г. и 2,4% в 2019 г.⁸ По данным Экономической комиссии ООН по Африке (UNECA), положительный рост обусловлен ростом цен на сырьевые товары, увеличением инвестиций в инфраструктуру, высокими показателями личного потребления и хорошими погодными условиями. В 2018 г. темпы роста превысили 5% в 16 странах Африки. Устойчивое восстановление наблюдается также в таких ведущих африканских странах, как Южная Африка, Нигерия и Ангола. Однако COVID-19 нанес серьезный удар по тенденции роста в Африке. По данным Всемирного банка, рост в странах Африки к югу от Сахары будет отрицательным и при наихудшем сценарии упадет в 2020 г. до -5,1%⁹. Для стран Африки к югу от Сахары это будет первым спадом за последние 25 лет. Хотя долгосрочные перспективы развития экономики Африки остаются позитивными, мы не знаем, каких усилий будет стоить африканским странам оправиться от пандемического шока. Что касается траектории роста Африки, то для ее определения необходимо продолжить мониторинг происходящего в трех основных областях: долгового бремени, индустриализации и воздействия COVID-19.

⁸ World Bank Group. Assessing the Economic Impact of COVID-19 and Policy Responses in Sub-Saharan Africa // Africa's Pulse. Vol. 21. April 2020, p. 1.

⁹ Ibid.

Проблема задолженности

Задолженность является серьезной проблемой, сдерживавшей развитие Африки, по крайней мере, с 1980-х гг. Среди факторов, усугубляющих эту проблему, часто называли неблагоприятные условия мировой торговли, международные финансовые институты и неэффективное управление финансами со стороны правительств африканских стран. Однако в последнее время все чаще слышатся обвинения в создании «долговых ловушек» в Африке китайскими займами и финансированием развития (особенно в секторе инфраструктуры). Опасность долгового кризиса в Африке действительно существует. Так, в 2018 г. долговой кризис охватил пять африканских государств (Чад, Мозамбик, Южный Судан, Судан и Зимбабве), а в одиннадцати странах велика вероятность наступления кризиса задолженности¹⁰.

Однако статистика показывает, что для большинства стран с острыми долговыми проблемами основной их причиной являются вовсе не китайские кредиты. По данным Китайско-Африканской исследовательской инициативы (SAIS, Университет Джона Хопкинса), с 2000 по 2018 гг. Китай предоставил 54 африканским странам займы на общую сумму 143 млрд долл.¹¹ По оценкам *Jubilee Debt Campaign*, китайские займы в Африке составляют от 72 до 121 млрд долл., то есть порядка 20% внешнего долга африканских стран, тогда как на кредиты частного сектора и многосторонних финансовых институтов приходится 32% и 35%, соответственно¹². Основные китайские кредиты приходятся на группу африканских стран, большинство из которых не подвержены риску развития кризиса задолженности. С 2000 по 2017 г. Китай предоставил займы свыше 8 млрд. долл. трем африканским странам (Анголе, Эфиопии и Кении), а от 5 до 8 млрд. долл. – четырем (Республике Конго, Судану, Замбии, Камеруну). Из 15 стран, в которых, по мнению МВФ, велика вероятность наступления кризиса задолженности, только в трех (Джибути, Замбии и Камеруне) задолженность Китаю составляет более 24% их внешнего долга¹³. Китайское правительство и специалисты считают, что проблема задолженности африканских стран уходит корнями в прошлое и должна анализироваться применительно к каждому конкретному случаю, и несправедливо обвинять Китай в том, что приемлемый уровень задолженности Африки оказался под угрозой.

Проблема африканского долга существует. Однако, как указывают африканские исследователи, доля Африки в глобальном кризисе задолженности по-прежнему невелика. Выделять Африку и представлять ее нынешние

¹⁰ Economic Report on Africa 2019: Fiscal Policy for Financing Sustainable Development in Africa. Ethiopia. Addis Ababa // UNECA, March 2019. p. 149.

¹¹ Brautigam D., Hwang, J., Link J., Acker K. Chinese Loans to Africa Database. China Africa Research Initiative // Johns Hopkins University School of Advanced International Studies, 2020.
URL: <http://www.sais-cari.org/data>

¹² Africa's Growing Debt Crisis: Who is the Debt Owed to? // Jubilee Debt Campaign. 07.10. 2018.
URL: <https://jubileedebt.org.uk/report/africas-growing-debt-crisis-who-is-the-debt-owed-to>

¹³ Yuyuan Z. China's Lending in Africa: Debates and Truth // West Asia and Africa, 2020, no. 1, p. 15. (In Chinese: 周玉渊: 《中国在非洲债务问题的争论与真相》, 《西亚非洲》, 2020年第1期.)

проблемы с задолженностью как надвигающийся кризис является явным преувеличением. По эмпирическим наблюдениям, положение с задолженностью сейчас по-прежнему лучше, чем в 1980-е гг. Пандемия COVID-19 оказывает разрушительное воздействие на население и экономику всех стран мира, а возможности Африки и других развивающихся регионов в принятии ответных мер по сдерживанию распространения вируса чрезвычайно ограничены. *Oxfam* призвал мировых лидеров аннулировать в 2020 г. задолженность развивающихся стран на сумму не менее 1 трлн долл. В апреле 2020 г. премьер-министр Эфиопии Абий Ахмед впервые призвал от имени африканских лидеров к экстренному списанию долга. В том же месяце министр финансов Ганы Кен Офори-Атта стал первым африканским чиновником высокого уровня, призвавшим китайцев облегчить долговое бремя. списание долгов предоставит правительствам многих африканских стран бюджетные возможности для обуздания пандемии и обращения вспять ее негативного воздействия на экономику¹⁴. Реакция китайского правительства не заставила себя ждать. 17 июня 2020 г. оно объявило на Специальном саммите Китай-Африка по солидарности в борьбе с эпидемией COVID-19, что Китай аннулирует задолженность по беспроцентным займам африканских стран, срок погашения которых наступает в 2020 г. Кроме того, Пекин продлит наиболее пострадавшим африканским странам отсрочку выплаты задолженности, о чем будут достигнуты договоренности в ходе дипломатических переговоров.

Индустриализация и создание рабочих мест

Еще одна проблема, стоящая перед африканскими правительствами, заключается в том, что экономический рост на протяжении последних 20 лет не привел к соответствующему увеличению занятости. Хотя экономика многих африканских стран пережила периоды длительного роста, а нарратив «набирающая силу Африка» получил широкое признание, этот рост был обусловлен спросом на минеральные ресурсы и товарным бумом на международном рынке. Это никак не соответствует восточноазиатскому опыту быстрой индустриализации и структурных преобразований. Учитывая стремительный рост численности молодежи и урбанизацию в Африке, создание рабочих мест остается сложной и неотложной задачей для специалистов-практиков. На протяжении долгого времени ведущие экономисты либо смотрели на промышленную политику с пренебрежением, либо отдавали предпочтение экстенсивной модели развития Африки. Лишь в последние годы специалисты и политики начали признавать возможность создания на континенте легкой и трудоемких отраслей промышленности¹⁵.

В бытность работы главным экономистом Всемирного банка профессор экономики Пекинского университета Джастин Ифу Линь заказал и опу-

¹⁴ Olander E. If African Leaders Expect China to Cancel Their Debts, They're Probably Going to be Disappointed // The CHINAFRICA PROJECT. 09.04. 2020.

URL: <https://chinaafricaproject.com/analysis/if-african-leaders-expect-china-to-cancel-their-debts-theyre-probably-going-to-be-disappointed/>

¹⁵ Oqubay A. *Made in Africa: Industrial Policy in Ethiopia*// Oxford University Press. 2015.

бликовал доклад под названием «Легкая промышленность в Африке, 2012 год». В докладе утверждалось, что при соответствующей политической поддержке такое производство в Африке будет процветать, создавая как налоговые поступления, так и рабочие места¹⁶. С тех пор Д.И. Линь отстаивает для Африки модель промышленного парка. Так, Эфиопия преуспела в создании ориентированных на экспорт производственных кластеров и достигла впечатляющих экономических показателей. В настоящее время индустриализация названа одной из основных целей «Повестки дня Африканского союза-2063». Это позволило многим международным наблюдателям оптимистично оценивать возможности индустриализации и структурных преобразований в Африке.

Этот сдвиг в экономическом мышлении и политических действиях совпадает с притоком в Африку большого числа китайских компаний. Согласно докладу *McKinsey & Company* за 2017 г., в Африке работало не менее 10 тыс. китайских компаний, 90% из которых находятся в частной собственности, а треть относится к производственному сектору¹⁷. В настоящее время в обрабатывающей промышленности Африки насчитывается около 10 млн рабочих мест. Модернизация промышленности Китая позволит создать в обрабатывающей промышленности развивающегося мира 85 млн рабочих мест, что предоставляет Африке историческую возможность привлечь инвестиции в производство и создать производственные рабочие места в обрабатывающих отраслях промышленности¹⁸. В случае успеха Африка может стать «следующей фабрикой мира». Такие страны, как Эфиопия, Руанда, Кения и Нигерия, уже продемонстрировали уверенный рост в своих производственных секторах. Понятно, что продолжающаяся пандемия COVID-19 поставила большой знак вопроса в отношении перспектив индустриализации Африки и притока прямых иностранных инвестиций. Будущее покажет, приведут ли проекты индустриализации в различных африканских странах к устойчивому созданию рабочих мест.

COVID-19, сырьевой и продовольственный кризисы

Несмотря на то, что COVID-19 добрался до Африки позднее других регионов, пандемия приведет к резкому снижению экономического роста. По оценкам Всемирного банка, темпы роста в Африке в 2020 г. составят от -2,1% до -5,1%¹⁹. Пандемия, несомненно, ударит по трем крупнейшим экономикам региона к югу от Сахары, а именно: Нигерии, Южной Африке и

¹⁶ Oqubay A. *Made in Africa: Industrial Policy in Ethiopia* // Oxford University Press. 2015, p.6.

¹⁷ Sun J., Jayaram K., Kassiri. *Dance of the Lions and Dragons* // McKinsey & Company. June 2017. URL: <https://www.mckinsey.com/~/media/McKinsey/Featured%20Insights/Middle%20East%20and%20Africa/The%20closest%20look%20yet%20at%20Chinese%20economic%20engagement%20in%20Africa/Dance-of-the-lions-and-dragons.ashx>

¹⁸ Lin J.Y. *The Rise of China and Opportunities for Africa. Annual Review of African Studies in China (2013)* // Social Sciences Academic Press, Beijing, 2014, p. 29. (In Chinese: 林毅夫: 《中国的崛起与非洲的机遇》, 《中国非洲研究评论2013》, 社科文献出版社, 2014年。)

¹⁹ World Bank Group. *Assessing the Economic Impact of COVID-19 and Policy Responses in Sub-Saharan Africa* // Africa's Pulse, April 2020, vol. 21, p. 1.

Анголе. В Южной Африке сейчас самое большое количество подтвержденных случаев заражения вирусом; во всех трех странах есть мегаполисы, в которых риски распространения COVID-19 достаточно высоки. Это происходит на фоне сокращения инвестиций и падения цен на сырьевые товары на протяжении последних двух лет. Весьма вероятно, что цены на большинство сырьевых товаров, таких как сырая нефть и полезные ископаемые, могут продолжать падать или будут стагнировать из-за погружения мира в рецессию, отчего рассчитывать на восстановление экономики Африки в краткосрочной перспективе вряд ли возможно. Пандемия COVID-19 также вызовет сбой в цепочках поставок продуктов питания, что приведет к продовольственному кризису в Африке. Из-за густонаселенности крупных городов Африки нехватка продовольствия породит разрушительные гуманитарные кризисы. Для сохранения экономической и социальной стабильности в 2020-2021 гг. во многих африканских странах решающее значение будут иметь списание долгов и оказание чрезвычайной продовольственной помощи.

Политическое развитие

За последние три года более 15 стран Африки к югу от Сахары провели всеобщие выборы. Не будет преувеличением сказать, что, несмотря на определенные скандалы, а также и политические и социальные волнения в отдельных странах, передача политической власти, в целом, прошла успешно. Среди таких стран можно назвать Камерун, Сьерра-Леон, Мали, Мадагаскар, Демократическую Республику Конго, Нигерию, Сенегал и Южную Африку. Даже в таких странах, как Эфиопия, Кения, Габон и Зимбабве, где в ходе передачи политической власти наблюдались неожиданные волнения, результаты, в основном, были восприняты мирно. Крайних форм насилия и массовых беспорядков удалось избежать. Успешное управление процессом передачи власти мирным путем является свидетельством умения и мудрости африканцев в преодолении политических разногласий. По мере продвижения вперед, нам следует уделять самое пристальное внимание растущим вызовам, с которыми сталкиваются африканские партии, находящиеся у власти долгое время, а также политической поляризации на континенте.

Вызовы партиям, находящимся у власти долгое время

Многие африканские страны длительное время находились под властью одних и тех же политических лидеров. Так, лидеры Экваториальной Гвинеи, Судана, Габона, Камеруна, Чада, Бурунди, Уганды и Эритреи находятся или находились у власти на протяжении десятилетий и часто опираются на поддержку политических организаций и находящихся под действенным контролем военных. Однако в последние годы действующие правители и «политика стариков» в Африке испытывают беспрецедентное давление. Такое положение можно объяснить одновременностью ряда событий. С одной стороны, африканские страны переживают то, что эксперты называют «тройным переходом», включающим неодинаковые темпы экономи-

ческих преобразований, социальные трансформации и рост популистских движений. Неспособность правительства справиться с тройным переходом начинает подвергаться политической критике и вызывать социальное сопротивление как со стороны правящих партий, так и общества в целом. Неожиданные смены правительства и передача власти в Зимбабве, Южной Африке и Эфиопии являются яркими тому подтверждениями.

С другой стороны, в последние годы во главе оппозиции в Африке становятся политики нового поколения. Так, вызов укоренившейся старой политической системе бросают Боби Уайн (*Bobi Wine*) в Уганде, Диана Рwigара (*Diane Rwigara*) в Руанде, Джулиус Малема (*Julius Malema*) и Ммьюзи Мейман (*Mmusi Maimane*) в Южной Африке, Нельсон Чамиза (*Nelson Chamisa*) в Зимбабве и, конечно же, Абий Ахмед (*Abiy Ahmed*) в Эфиопии²⁰. Большинству из них от 30 до 40 лет или чуть больше, и они чрезвычайно популярны среди городской образованной молодежи. Нет сомнения в том, что новая волна молодых политиков и активистов может вызвать радикальные политические изменения внутри стран и перемены во внешней политике Африки.

Политическая раздробленность и поляризация

Как утверждает политолог Фрэнсис Фукуяма в своей книге «Идентичность: Стремление к признанию и политика неприятия», опубликованной в 2018 г., в первые два десятилетия нового века глобализация привела к чрезвычайно неравномерному развитию и экономическому неравенству во всем мире, а также вызвала радикальные перемены в политике²¹. Судя по всему, на смену политическому спектру от левых до правых приходит политика идентичности. Политические партии начинают мобилизовывать или продвигать интересы групп населения, которые было принято считать маргинализированными, в частности, иммигрантов, женщин, сообществ ЛГБТ и беженцев. В Африке вопросы иммиграции, расы и этнической принадлежности, женщин, молодежи и ЛГБТ также начинают менять политический ландшафт и вносить в будущие выборы элемент неопределенности.

Политика идентичности может еще больше расколоть африканское общество и усилить политическую поляризацию. Так, на всеобщих выборах в Южной Африке в 2019 г. АНК по-прежнему удалось набрать победные 57,5% голосов, но это самый низкий уровень поддержки за все шесть избирательных кампаний, прошедших с 1994 года. Две маленькие партии левых и правых радикалов (соответственно, EFF и FF+) набрали значительно больше голосов, что свидетельствует о социальной и политической поляризации Южной Африки. Поскольку многие африканские страны по-прежнему страдают от неравномерного экономического роста и высокого уровня безработицы, что усиливает социально-экономическое неравенство, ожидается, что социальная и политическая поляризация в Африке обострится, по крайней мере, в ближайшем будущем.

²⁰ Africa's young leaders face a testing 2020/The Guardian. 31.12.2019.

URL: <https://www.theguardian.com/world/2019/dec/31/africas-young-leaders-face-a-testing-2020>

²¹ Fukuyama F. Identity: The Demand for Dignity and the Politics of Resentment. Farrar, Straus and Giroux, 2018.

Еще одним негативным последствием политики идентичности в Африке является рост ксенофобских настроений. Ксенофобские нападения на мигрантов и иностранный бизнес возобновились в Южной Африке в 2019 г. В отличие от предыдущих проявлений ксенофобии, на этот раз ее всплеск произошел в Нигерии, что привело к ответным нападениям, а те, в свою очередь, спровоцировали разграбление и уничтожение южноафриканских предприятий в Нигерии. Вспышки насилия на почве ксенофобии в двух самых богатых африканских странах не могут не вызывать тревогу. По мере того, как Африка начнет испытывать шок от пандемии COVID-19, мы можем стать свидетелями нового всплеска дискриминации и насилия в отношении иностранцев и различных маргинализированных групп населения. Китайские мигранты в Африке оказываются в группе риска, а их имущество и бизнес могут стать объектами подобных нападений. Более того, оппозиционные политики в странах с переходной экономикой без сложившихся и зрелых многопартийных демократий будут испытывать соблазн взять на вооружение антикитайский популизм в политических целях (как это случилось в Замбии).

Мир и безопасность

С 2015 г. положение в области безопасности в Африке значительно улучшилось. Согласно отчету, опубликованному Африканским центром стратегических исследований, число погибших в результате террористических атак в Африке снизилось с 18 782 человек в 2015 г. до 9437 человек в 2018 г.²² Борьба с экстремистскими джихадистскими группировками, такими как Бoko Харам в Северной Нигерии, добилась значительных успехов. Мирные переговоры между переходным правительством Судана и повстанческими формированиями в Южном Судане привели в 2018 г. к заключению первого многообещающего мирного соглашения. Авиаудары, которые США нанесли в Сомали по боевикам «Аш-Шабааб» в последние два года, ослабили ее позиции в важнейших стратегических населенных пунктах. Особого внимания заслуживает тот факт, что премьер-министр Эфиопии Абий Ахмед инициировал проведение первого за два десятилетия саммита Эфиопии и Эритреи, на котором была подписана совместная декларация о мире и дружбе и восстановлены дипломатические и торговые отношения между двумя странами.

Однако в отдельных районах террористические группы и организованная преступность продолжают расти и угрожать региональной безопасности и стабильности. В таких территориях, как Сахель, бассейн озера Чад, Сомали, Северная Африка и Мозамбик, наблюдается резкое увеличение инцидентов, связанных с насилием²³. Последние данные свидетельствуют о том, что COVID-19 обострит существующие угрозы миру и безопасности в Африке и

²² Progress and Setbacks in the Fight against African Militant Islamist Groups in 2018// Africa Center for Strategic Studies.25.01.2019
URL: <https://africacenter.org/spotlight/progress-and-setbacks-in-the-fight-against-african-militant-islamist-groups-in-2018/>

²³ African Militant Islamist Groups Set Record for Violent Activity// The Africa Center for Strategic Studies. 21.07.2020.
URL: <https://africacenter.org/spotlight/african-militant-islamist-groups-new-record-violent-activity>

осложнит принятие ответных мер. Причинами станут гибель людей и потеря средств к существованию, нехватка продовольствия, прекращение миротворческих операций и всплеск гендерного насилия.

Сахельский регион

Хотя общая ситуация в сфере безопасности в Африке улучшается, регион Сахеля по-прежнему страдает от терроризма, войн и насилия. По данным ООН, количество перемещенных лиц в регионе выросло с 3,2 млн человек в 2018 г. до 4,2 млн в 2019 г.²⁴ В пятерку наиболее пострадавших стран входят Мавритания, Мали, Чад, Буркина-Фасо и Нигер. Ситуация в Сахеле начала выходить из-под контроля после кризиса в Мали в 2012 г. По мере ухудшения положения дел в сфере безопасности в регионе, пять его стран сформировали Сахельскую «пятерку» (G5) – коллективную институциональную основу для борьбы с терроризмом и восстановления мира в регионе. Организация получила признание и поддержку международного сообщества, в том числе Африканского союза, Экономического сообщества государств Западной Африки, ООН, Франции и ЕС.

Объединенные силы Сахельской «пятерки» в рамках принятого комплексного подхода к обеспечению региональной безопасности согласились с тем, что важным инструментом искоренения терроризма и бедности является развитие. Было объявлено о пятилетнем плане (2018-2022 гг.) по развитию энергетического и сельскохозяйственного секторов в регионе и созданию рабочих мест для молодежи. Альянс сил в пользу Сахеля, созданный в 2017 г. Францией, Германией и Европейским союзом, пообещал профинансировать более 600 проектов в регионе на общую сумму 9 млрд евро²⁵.

Между тем Объединенные силы Сахельской «пятерки» остро нуждаются в финансировании для выполнения своих военных и невоенных операций. В 2014 г. для обеспечения деятельности контингента Сахельской «пятерки» в его бюджет было заложено 423 млн долл.²⁶, однако к середине 2018 г. была получена только четверть запланированной суммы, что привело к задержкам и срывам в подготовке и оснащении Объединенных сил. Таким образом, нехватка финансирования оставляет открытым вопрос, насколько эффективными в миростроительстве окажутся Объединенные силы Сахельской «пятерки». Хотя Китай занимает все более активную позицию в малийском кризисе, его подход остается в значительной степени ориентированным на Бамако и правительство Мали²⁷. Вклад Китая в миротвор-

²⁴ Persistent Needs in Sahel, Conflict Driving Massive Displacement// Relief web. 06.03. 2019.
URL:<https://reliefweb.int/report/mali/persistent-needs-sahel-conflict-driving-massive-displacement>

²⁵ G5 Sahel Joint Force and the Sahel Alliance//French Diplomacy. June 2019.
URL:<https://www.diplomatie.gouv.fr/en/french-foreign-policy/security-disarmament-and-non-proliferation/crises-and-conflicts/g5-sahel-joint-force-and-the-sahel-alliance/>

²⁶ Athie A. Coordinated Response Key to G5 Sahel Joint Force Success//Relief web. 19.06.2018.
URL: <https://reliefweb.int/report/mali/coordinated-response-key-g5-sahel-joint-force-success>

²⁷ Benabdallah L., Large D. Development, Security, and China's Evolving Role in Mali//China Africa Research Initiative. Working Paper, no. 40, 2020. URL:<https://static1.squarespace.com/static/5652847de4b033f56d2bdc29/t/5f689c0adc971b471088a419/1600691210873/WP+40+-+Benabdallah+%26+Large+-+Dev+Security+China+Role+in+Mali.pdf>

ческую миссию и работу в области развития в Мали был признан и оценен по достоинству, вместе с тем, его влияние на общую ситуацию в области безопасности в Сахельском регионе остается ограниченным.

Изменение движущих сил конфликтов и насилия

Обычные движущие силы конфликтов и насилия включают такие факторы, как бедность, этническая принадлежность, экстремизм и слабость государственных институтов. Однако характер насилия и отсутствия безопасности в Африке начинают обуславливать новые экономические, политические и демографические факторы, что заставляет нас пересмотреть свои представления по этому вопросу²⁸. Во-первых, несмотря на высокие темпы экономического роста в Африке, который помог снизить общий уровень бедности, число бедных в абсолютном выражении продолжает расти во многих странах, что связано с быстрым увеличением населения и неравномерным распределением богатства. Растущее неравенство в Африке не только меняет групповые идентичности, как указывалось ранее, но и создает риск внутригосударственных конфликтов и децентрализованных форм насилия.

Во-вторых, хотя в 1990-х гг. процесс демократизации и привел к предоставлению политических и гражданских прав в масштабах всего континента, но незавершенность этого процесса порождает другие формы насилия. Например, недавно созданные избирательные системы формировали у людей возросшие ожидания от избранных ими правительств. В этих условиях сбой в демократическом процессе, такие как манипуляции с ограничениями президентских сроков и неэффективное управление (неудовлетворительное предоставление базовых услуг, коррупция и дискриминационная политика) будут провоцировать насилие²⁹. Кроме того, смартфоны, доступ в Интернет и использование социальных сетей позволяют распространять информацию, помешать чему власти не могут.

В-третьих, быстрая и неравномерная урбанизация в Африке привела к появлению множества мегаполисов с обширными районами трущоб. Сегодня уровень урбанизации в Африке уже превышает 40%. Поскольку городское население составляет преимущественно молодежь, а уровень безработицы высокий, города становятся питательной средой для проведения широкомасштабных акций и организации массовых беспорядков. Отдельные лица и группы людей, влачащих нищенское существование в городской среде, подвержены высокому риску оказания поддержки и участия в насильственных экстремистских организациях.

Воздействие COVID-19

Пандемия COVID-19 создаст дополнительные проблемы и осложнения для обеспечения безопасности в Африке, поскольку приведет к гибели людей, потере средств к существованию, нехватке продовольствия, прекращению

²⁸ Soest C., Juan A, Dealing with New Security Threats in Africa// GIGA Focus, no. 2, May 2018.

²⁹ Ibid.

миротворческих операций и всплеску гендерного насилия. Более других пострадает десятка африканских стран. Африканский центр стратегических исследований недавно опубликовал оценку уязвимости африканских стран перед лицом пандемии, опираясь на девять факторов риска. Последние включают открытость внешнему миру, систему здравоохранения, плотность городского населения, численность городского населения, возраст населения, прозрачность государственного управления, свободу прессы, масштабы конфликтов и количество перемещенных лиц. Согласно докладу, в первую десятку наиболее уязвимых стран входят Южный Судан, Демократическая Республика Конго, Нигерия, Судан, Камерун, Египет, Эфиопия, Центральноафриканская Республика, Сомали и Чад. Некоторые из этих стран уже страдают от различных форм конфликтов и насилия. Являясь вирусом, который распространяется воздушно-капельным путем и при тесном физическом контакте, COVID-19 создает серьезные проблемы и для мегаполисов Африки. Более половины городского населения Африки (свыше 200 млн человек) проживает в стихийно возведенных кварталах с ограниченным доступом к воде и санитарии. В условиях нехватки масок, чистой воды и продуктов питания для городской бедноты африканские города могут стать смертоносными инкубаторами вируса. Вероятность крупномасштабных социальных волнений невелика, однако в разных уголках континента наблюдаются спорадические вспышки насилия и протесты.

Часть II. Оценка интересов и целей Китая и России в Африке

Интересы и цели Китая в Африке

Опыт Китая в Африке

Исторически взаимодействие Китая с независимой Африкой берет свое начало в 1960-х гг., и можно выделить, по крайней мере, три его этапа. Первый этап включает два десятилетия независимости Африки в 1960-е и 1970-е гг., когда Китай как страна третьего мира выражал солидарность с движением неприсоединения, поддерживал революционные организации и участвовал в важных проектах по оказанию помощи, таких как строительство танзанийско-замбийской железной дороги. В 1980-х гг. Китай открыл миру свою экономику и отказался от крупных проектов оказания помощи в Африке, сделав упор на реализацию взаимовыгодных проектов в рамках экономического сотрудничества с Африкой. Конец 1980-х и 1990-е гг. представляют собой второй этап, в ходе которого Китай использовал избирательные инвестиции и предпринимал энергичные дипломатические усилия для выхода из международной изоляции (особенно после событий 1989 г.). Третий этап – это сегодняшнее взаимодействие, начавшееся примерно с конца 1990-х – начала 2000-х гг. «Выход в мир» Китая и китайских компаний позволил КНР за два десятилетия стать второй по величине экономикой мира и экспоненциально нарастить объем сотрудничества с Африкой. Основной платформой для этого взаимодействия является Форум китайско-африканского сотрудничества (FOCAC), созданный в 2000 г. В 2009 г. Китай стал крупнейшим торговым партнером Африки. По состоянию на 2017 г., Китай входит в пятерку крупнейших партнеров Африки по торговле, сделанным инвестициям, росту инвестиций, помощи и инфраструктурному финансированию. По всем параметрам Китай превратился в одного из важнейших партнеров Африки в области развития.

Нынешнее присутствие Китая в Африке является исторически беспрецедентным, поскольку он взаимодействует с континентом одновременно на трех разных уровнях. На верхнем уровне находятся китайское государство и китайские государственные предприятия (ГП), обычно участвующие в помощи по дипломатической линии, миротворческих операциях, мегапроектах в горнодобывающей промышленности и по инфраструктурным преобразованиям. На среднем уровне активно инвестируют и работают в Африке многочисленные частные китайские компании. Согласно упомянутому ранее докладу *McKinsey* за 2017 г., из более чем 10 тыс. китайских фирм в Африке свыше 90% являются частными. Помимо создания множества столь необходимых рабочих мест, эти компании выстраивают выгодные для обеих сторон трудовые отношения и многогранное социально-экономическое взаимодействие с местными органами власти и сообществами.

Наконец, самый нижний уровень представлен более чем миллионом китайских мигрантов, для которых Африка стала домом. В их число входят китайские специалисты и сотрудники госпредприятий, частные инвесторы и торговцы, и даже проститутки, нелегально переправленные на континент поставщиками-контрабандистами. Таким образом, для понимания общих интересов Китая в Африке нужно принимать во внимание различные цели и задачи всех трех групп китайских акторов.

Если в 1990-е гг. возвращение Китая в Африку было вызвано в первую очередь его поиском ресурсов и рынков, а также усилиями по преодолению международной изоляции, то его связи с Африкой на протяжении последних двух десятилетий породили новую динамику. Китай все больше превращался в кредитора Африки, сторонника индустриализации и миротворца³⁰. Такое смещение акцентов свидетельствует не только об усилении взаимодействия Китая с континентом, но и является для него вызовом, поскольку он стремится предложить африканским странам альтернативный путь развития. Эксперты считают, что во всех трех сферах деятельности взаимодействие между Китаем и Африкой претерпит глубокие изменения. Оно будет отражать восприятие Китаем своих интересов и необходимость их защиты, в том числе своих многочисленных фирм и граждан на местах³¹. Если Китай в ближайшем будущем скорректирует или изменит свои давние принципы и практики, такие как отсутствие условий при выдаче кредитов и грантов, взаимодействие, ориентированное на использование ресурсов, и невмешательство во внутренние дела, то это вряд ли станет полной неожиданностью.

Общие принципы и цели политики Китая в Африке

Согласно второму Документу о политике Китая в отношении Африки, обнародованному на Форуме по китайско-африканскому сотрудничеству в Йоханнесбурге в 2015 г., Китай будет отстаивать «ценности дружбы, справедливости и общих интересов, а также придерживаться принципов искренности, практических результатов, близости и добросовестности».

- «Искренность» означает, что Китай настаивает на принципах равенства, взаимного доверия, солидарности и взаимной поддержки и всегда будет самым надежным другом, и искренним партнером Африки.
- «Практические результаты» означают, что Китай стремится к достижению практических и эффективных результатов, сотрудничеству и взаимной выгоде, поддерживает принцип выполнения обязательств реальными действиями и результатами, в полной мере реализует руководящие принципы и меры для взаимовыгодного сотрудничества с Африкой и стремится реализовать общее развитие Китая и Африки, помогая Африке добиться независимого развития.
- «Близость» означает, что сердца китайцев и африканцев связаны, и они

³⁰ Alden C., Jiang L. Brave New World: Debt, Industrialization and Security in China–Africa Relations// International Affairs 2019, vol. 95, no. 3, pp. 641-657.

³¹ Ibid.

будут жить вместе в гармонии, способствовать межкультурному диалогу и расширять обмен идеями, укреплять согласованность политики и взаимопонимание для формирования прочной общественной и социальной основы китайско-африканской дружбы.

- «Добросовестность» означает, что Китай высоко ценит добросовестность и решение проблем надлежащим образом³².

Четыре изложенных выше принципа характеризуют взаимодействие Китая с Африкой и отличают китайско-африканские отношения от исторического колониализма и современных западных подходов. В документе о политике в отношении Африки не упоминается «цель» или «стратегия» Китая в Африке. Эксперты как из Китая, так и за его пределами уже обратили внимание на очевидное отсутствие у первого последовательной генеральной стратегии в Африке. Вполне вероятно, что отсутствие единой стратегии свидетельствует о стремительном наращивании вовлеченности в развитие китайско-африканских отношений и, соответственно, допускает определенную степень гибкости и креативности в политических действиях Китая. Вместе с тем, при взаимодействии с африканскими странами китайское правительство до сих пор относительно последовательно применяло три принципа, а именно: (1) принцип одного Китая, (2) безусловная приверженность предоставлению льготных кредитов и помощи и (3) невмешательство во внутренние дела.

Хотя дипломатия Китая в отношении Африки традиционно опиралась на двусторонний подход, китайское правительство недавно заявило, что приветствует конструктивные действия международного сообщества по поддержке Африки. Оно готово укреплять сотрудничество в этой области с другими странами, а также с международными и региональными организациями на основе принципа, «предложенного Африкой, согласованного с Африкой и возглавляемого Африкой». В перспективе Китай готов рассмотреть возможность «трехстороннего и многостороннего сотрудничества в Африке с тем, чтобы внести совместный вклад в дело мира, стабильности и развития на континенте»³³. Это, безусловно, в полной мере относится и к трехстороннему сотрудничеству Китай-Россия-Африка в будущем.

Политическое взаимодействие

Принцип «одного Китая» является политической предпосылкой и основой установления и развития отношений между Китаем и странами Африки, а также ее региональными организациями. Проведение политики одного Китая является также одной из ключевых национальных задач страны. Китай готов развивать дипломатические отношения со странами, которые не устанавливают официальных отношений с Тайванем. По состоянию на 2020 год, единственным оставшимся африканским государством, кото-

³² Full Text: China's second Africa policy paper//China.org.cn. 05.12/2015.
URL: http://www.china.org.cn/world/2015-12/05/content_37241677.htm

³³ Ibid.

рое поддерживает официальные дипломатические отношения с Тайванем, является Королевство Эсватини (бывший Свазиленд).

Помимо решения тайваньского вопроса, дипломатия дружбы с Африкой направлена на развитие политического сотрудничества Китая с Африкой в трех других областях. Во-первых, Китай заинтересован во взаимопонимании с африканскими правительствами и их политической поддержке по вопросам международной повестки дня и дискуссиям на международном уровне. Так, африканские страны всегда оказывали Китаю важную поддержку в ООН и других международных организациях по таким вопросам, как Арбитражный суд по спору в Южно-Китайском море и обвинения в нарушении прав человека в Синьцзяне, Тибете, а в последнее время и в Гонконге.

Во-вторых, поскольку влияние и экономические интересы Китая в Африке продолжают расти, в общих политических интересах Китая укреплять дружеские связи с африканскими народами и политиками посредством расширения контактов и обменов между людьми. Так, эксперты выявили по крайней мере пять методов, применяемых китайским правительством для продвижения отношений с африканскими политиками (включая политиков оппозиции)³⁴. Это партийные обмены, материальная поддержка, подготовка кадров, работа с оппозиционными партиями и межпарламентские обмены. Подобные международные связи в целом успешны и оказывают существенную поддержку официальной дипломатии Китая. В долгосрочной перспективе такая стратегия поможет установить личные взаимоотношения, которые откроют новые возможности для китайских внешнеполитических деятелей и улучшат китайско-африканское сотрудничество.

В-третьих, целью сотрудничества Китая и африканских стран на глобальном уровне является защита многосторонности, отвечающей интересам развивающихся стран, от односторонних действий и протекционизма. На многосторонних платформах, включая ООН, Китай и Африка усиливают координацию действий и сотрудничество и стремятся к установлению справедливого международного политического и экономического порядка.

Экономическое сотрудничество

В этом году исполняется 20 лет механизму FOCAC. До начала XX в. роль Китая в экономическом развитии Африки была более чем скромной. Китайско-африканское экономическое сотрудничество активизировалось после 2000 г., когда в Пекине была проведена первая встреча FOCAC, ставшая отражением реальных стремительного роста экономической мощи и глобального влияния Китая в XX в. Сейчас Китай входит в пятерку стран с наибольшими показателями объема торговли, инвестиционного капитала, роста инвестиций, оказания помощи и инфраструктурного финансирования африканских государств. Его по праву можно назвать важнейшим партнером Африки в области развития. Ключ к успеху Китая заключается в том, что он считает Африку не просто местом для оказания помощи или реализации отдельных проектов развития,

³⁴ Shinn D., Eisenman J. *China and Africa: A Century of Engagement* // University of Pennsylvania Press. 2012, pp. 68-85.

а континентом возможностей. Китайско-африканское сотрудничество во многих отношениях уже стало моделью для расширения взаимовыгодного сотрудничества между Китаем и другими развивающимися странами, а также формирует имидж Китая как ответственной великой державы.

Во-первых, торговля и инвестиции – важные показатели экономического сотрудничества между Китаем и Африкой. С 2009 г. Китай является крупнейшим торговым партнером Африки. Его товарооборот с Африкой увеличился с 1 млрд долл. в 2000 г. до невероятных 200 млрд долл. в 2012 г. С 2014 по 2016 гг. объемы торговли колебались из-за низких цен на сырьевые товары, а с 2017 г. стали расти и в 2019 г. снова превысили 200 млрд долл. По сообщениям, Китай получает из Африки треть необходимой ему нефти и природных ресурсов. Что касается инвестиций, то ежегодные прямые иностранные инвестиции (ПИИ) Китая в Африку превышают 3 млрд долл. К 2020 г. совокупный объем ПИИ Китая в Африке достиг 110 млрд долл., что сделало его крупнейшим инвестором континента³⁵. Хотя пандемия COVID-19 и окажет негативное влияние на объем торговли и инвестиций между Китаем и Африкой, в долгосрочной перспективе она не изменит их положительной траектории.

Во-вторых, инфраструктура и индустриализация – две наиболее многообещающие области экономического сотрудничества между Китаем и Африкой, которые обладают огромным потенциалом для преобразования экономического ландшафта Африки. К 2020 г. Китай помог Африке построить более 6 тыс. км железных дорог, 6 тыс. км автомобильный дорог, 20 портов, 80 крупных энергетических объектов, 130 медицинских учреждений и больниц, 45 стадионов и 170 школ, не говоря уже о других зданиях государственных учреждений³⁶. И этим список не исчерпывается. Так, китайская компания *Huawei* активно помогает 40 африканским странам в развертывании сетей связи XXI в.³⁷ Поскольку Африка стремится к укреплению своей региональной транспортной и телекоммуникационной сети, Китай продолжит работу с африканскими странами над модернизацией их инфраструктуры развития. Между тем сейчас осуществляют инвестиции в Африку и работают в ней свыше 10 тыс. китайских компаний. Хотя существуют и трудовые споры, и конкуренция с местными предприятиями, общество в целом выигрывает от создания китайскими фирмами рабочих мест, передачи ими технологий и роста налоговых поступлений. Многие китайские компании – как государственные, так и частные – в сотрудничестве с африканскими правительствами и местными деловыми партнерами создают промышленные парки и особые экономические зоны.

В-третьих, после пандемии COVID-19 следующей центральной областью китайско-африканского сотрудничества, скорее всего, станет обществен-

³⁵ Anshan L FOCAC at Twenty: Process, Achievements, and Reflection // Contemporary World, 2002, no. 10. (In Chinese: 李安山: 《中非合作论坛二十周年: 历程、成就与思考》, 《当代世界》2020年第10期。)

³⁶ Ibid.

³⁷ Watch: What China's influence in Africa means for the global economy//Quartz Africa.
URL: <https://qz.com/africa/1915217/what-china-s-africa-role-means-for-the-global-economy/>

ное здравоохранение. У Китая есть большой многолетний опыт оказания медицинской помощи Африке. С 1960-х гг. он направил в 42 африканские страны более 210 тыс. докторов и медицинских работников, и в общей сложности 2,2 млрд африканских пациентов (в пересчете на количество приемов) получили лечение у китайских медицинских бригад³⁸. Во время пандемии COVID-19 Китай немедленно поделился своим опытом с Африканским CDC и направил группы экспертов как минимум в 12 африканских стран, а также предоставил медицинское оборудование и материалы как минимум 50 африканским странам. На чрезвычайном китайско-африканском саммите солидарности против COVID-19 в июне 2020 г. Китай пообещал уделить приоритетное внимание общественному здравоохранению на следующем этапе реализации планов действий FOCAC. Председатель КНР Си Цзиньпин объявил, что Китай ускорит строительство штаб-квартиры Африканского центра по контролю и профилактике заболеваний и китайско-африканских «больниц дружбы», а также разовьет сотрудничество между объединенными в пары китайскими и африканскими больницами³⁹. Китай и Африка также будут работать вместе для обеспечения равного доступа к вакцине от COVID-19, когда та появится.

Наконец, не утратят своего значения и такие области, как сельское хозяйство и образование (включая воспитание талантов). Китай создал по всей Африке 23 демонстрационных центра сельскохозяйственных технологий для передачи своих технологий ведения сельского хозяйства и развития на континенте агробизнеса⁴⁰. Поскольку африканские страны активно стремятся к сотрудничеству с Китаем в области сельскохозяйственного производства в постпандемическую эпоху, на Китае будет лежать большая ответственность за обеспечение продовольственной безопасности в мире. Что касается образования, то Китай ежегодно принимает около 50 тысяч африканских студентов, и по количеству обучаемых студентов из африканских стран уступает только Франции. Хотя предоставление Китаем стипендий и финансирование им институтов Конфуция играют важную роль в привлечении африканских студентов, многие из них оплачивают свое обучение сами и приезжают в Китай для изучения медицины, управления бизнесом, государственного управления и других предметов социальных наук. За последние пять лет китайские программы воспитания талантов охватили свыше 200 тыс. африканцев⁴¹.

Мир и безопасность

Обеспечение безопасности стало официальным компонентом политики в отношениях между Китаем и Африкой только в 2012 г., когда на пятой

³⁸ Xinhuanet // New.cn. URL: http://www.xinhuanet.com/world/2020-01/13/c_1125453172.htm

³⁹ Joint Statement of the Extraordinary China-Africa Summit On Solidarity Against COVID-19 // China Daily.com. cn.18.06.2020. URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/202006/18/WS5eeb156aa310834817253f70.html>

⁴⁰ Xiaoyun L. Demonstration of New Development //, Social Sciences Academic Press. 2017. (In Chinese: 李小云等: 《新发展的示范》, 社会科学文献出版社, 2017年。)

⁴¹ Anshan I. FOCAC at Twenty: Process, Achievements, and Reflection//Contemporary World, 2002, no. 10. (In Chinese: 李安山: 《中非合作论坛二十周年: 历程、成就与思考》, 《当代世界》2020年第10期。)

встрече FOCAS, проходившей на фоне беспорядков в Северной Африке, было объявлено о китайско-африканском партнерстве во имя мира и безопасности. Вместе с тем сотрудничество Китая с Африкой в области безопасности восходит к временам холодной войны и поддержке Китаем африканских движений за независимость и революционных групп. В эпоху реформ политика Китая в отношении Африки приобрела более прагматичный характер. С 1990-х гг., Китай активно поддерживает миротворческие операции ООН и Африканского союза в Африке. Хотя Китай никогда не будет вынашивать планы гегемонии или военной экспансии в Африке, он предпринял определенные шаги по обеспечению надлежащей защиты китайских фирм и граждан в Африке. Эти действия включают борьбу с пиратством в Сомали, эвакуацию в Ливии и недавнюю аренду базы в порту Джибути. По сравнению с такими странами, как США, Франция и Россия, военное присутствие и вмешательство Китая в события на континенте по-прежнему незначительно.

Нынешнее участие Китая в обеспечении безопасности в Африке характеризуется двумя факторами. Во-первых, приверженностью Китая миротворческой деятельности. В этом году исполняется 30 лет с начала участия Китая в миротворческих миссиях ООН. К данному моменту Китай направил в общей сложности более 40 тыс. миротворцев в 25 миссий и создал резервные миротворческие силы численностью 8 тыс. человек. В 2020 г. в восьми миссиях голубых касок по всему миру находятся более 2,5 тыс. китайских миротворцев⁴². Все это делает Китай крупнейшим поставщиком миротворческих сил среди пяти постоянных членов Совета Безопасности ООН. Более того, для подготовки миротворцев Китай построил три объекта – два в Пекине и один в Нанкине. Он подготовил около 3 тыс. миротворцев для 60 стран⁴³. Участие Китая в миротворческих операциях приветствуется международным сообществом, позволяет Китаю реагировать на запросы африканских стран и укрепляет его имидж как ответственной великой державы.

Во-вторых, Китай делает упор на важность экономического развития для предотвращения вооруженных конфликтов и достижения мира. В международном дискурсе и научных дискуссиях это называется «взаимосвязью между развитием и безопасностью» или «миром на основе развития»⁴⁴. Данная концепция предусматривает обеспечение безопасности благодаря экономическому росту и взаимовыгоде. Что более важно, это представляет собой отход от западной идеи либерального мира и делает Китай «державой, устанавливающей нормы» в вопросах мира и безопасности. Так, Китай открыто критикует военное вмешательство Франции в Мали, а его собственное взаимодействие с Мали включает реализацию крупных проектов в области развития, программы стипендий и профессиональной под-

⁴² China's Armed Forces: 30 Years of UN Peacekeeping Operations/Xinhua Net. September 2020.
URL: http://www.xinhuanet.com/english/2020-09/18/c_139376725.htm

⁴³ Ibid.

⁴⁴ Xue Lei. China's Development-Oriented Peacekeeping Strategy in Africa. In Chris Alden et al. eds., *China and Africa: Building Peace and Security Cooperation on the Continent*. Palgrave Macmillan US. 2017, pp. 83-99.

готовки, а также участие в миротворческой Многопрофильной комплексной миссии ООН по стабилизации в Мали (МИНУСМА). Из 426 участников миссии от Китая только 170 являются военнослужащими. Остальные – в основном инженеры и медицинские работники, которым поручено строительство больниц в Мали⁴⁵. По мере того как концепция «мир на основе развития» проходит проверку и применяется на практике в африканских странах, решающее значение для достижения успеха будет иметь то, удастся ли подходу Китая обеспечить эффективное взаимодействие с множеством вовлеченных в конфликт акторов и завоевать их доверие.

⁴⁵ Benabdallah I., Large D. Development, Security, and China's Evolving Role in Mali// China Africa Research Initiative. Working Paper 2020, no. 40.
URL:<https://static1.squarespace.com/static/5652847de4b033f56d2bdc29/t/5f689c0adc971b471088a419/1600691210873/WP+40+-+Benabdallah+%26+Large+-+Dev+Security+China+Role+in+Mali.pdf>

Интересы и цели России в Африке

2019 г. стал переломным для российско-африканских отношений. Интерес к взаимодействию набирал обороты на протяжении многих лет, что проявлялось в заключении широкого спектра торговых сделок, меморандумов о взаимопонимании (MoU), соглашений о партнерстве и других официальных договоренностей, однако настоящим катализатором активизации сотрудничества стал первый саммит Россия-Африка. Хотя Африка не входила в число приоритетов российской внешней политики в непростой период после распада Советского Союза, интерес к ней постепенно, но неуклонно рос, достигнув пика в прошлом году.

В последней редакции Концепции внешней политики Российской Федерации, опубликованной в 2016 г., Африка заняла второе место в дипломатических приоритетах России, уступив только Латинской Америке.

Кроме того, в Концепции 2016 г. появилось добавление «укрепить всестороннее сотрудничество на основе общих интересов», что подчеркнуло заинтересованность России в продвижении всестороннего взаимовыгодного сотрудничества с континентом.

В настоящее время у России нет единой стратегии сотрудничества с Африкой. Тем не менее Итоговую декларацию саммита Россия-Африка 2019 г. можно рассматривать как своего рода ориентир. Является ли отсутствие единой стратегии препятствием или возможностью, сказать сложно. С одной стороны, у России есть больше пространства для маневра, поскольку нет необходимости следовать заранее определенным дорожным картам стратегии. С другой стороны, отсутствие стратегии может привести к отсутствию структуры и усложнить для России возможность действовать последовательно.

Еще одной важной опорой сотрудничества России с Африкой является нарратив «общей истории» континента и бывшего СССР. Так, в Итоговой декларации саммита Россия-Африка 2019 г. говорится, что Российская Федерация и представители ведущих экономических африканских региональных организаций основываются «на дружественных связях между Российской Федерацией и африканскими государствами и традициях совместной борьбы за деколонизацию и становление независимости африканских государств, а также на богатом опыте многогранного и взаимовыгодного сотрудничества, отвечающего интересам наших народов». Кроме того, Россия делает ставку на желание африканцев стать по-настоящему независимыми как в политическом, так и в экономическом плане. Еще одним ключевым посланием, прозвучавшим в ходе октябрьского саммита, было «выстраивание справедливых партнерских отношений, в основе которых лежат равноправие и взаимный практический интерес», как подчеркнул президент России в интервью, данном в преддверии саммита. Далее он заявил: «Мы не обуславливаем свою поддержку, предлагаемые совмест-

ные проекты развития политическими или иными условиями, так называемыми эксклюзивными, а на деле кабальными экономическими и торговыми преференциями, не навязываем свою позицию, а уважаем предложенный самими африканцами принцип “африканским проблемам – африканские решения”». Такой подход, похоже, нашел положительный отклик среди африканцев и потому стал одним из краеугольных камней российской стратегии в Африке.

Российско-африканское политическое сотрудничество

Основания для усиления взаимодействия России с Африкой логичны и рациональны. Россию всегда отличало стремление к проведению многовекторной политики. Неудивительно, что из-за ухудшения отношений с западными партнерами после 2014 г. Москва активизировала диверсификацию своих контактов во внешней политике и торговле. Это в полной мере относится и к странам африканского континента.

В политическом отношении Россию и африканские государства объединяет приверженность полицентричному мировому порядку. Это означает, что и Россия, и африканский континент являются сторонниками многополюсного мироустройства. Они заинтересованы в существовании нескольких взаимодействующих мировых центров силы, каждый из которых движется по своему уникальному политическому, экономическому и социальному пути развития, а глобальные векторы развития во всех регионах определяются не взаимоотношениями (дружественными или враждебными) двух или трех центров силы. Например, доклад «В одиночку? Торговая политика после трех лет популизма» (2019 г.), подготовленный независимым центром «*Global Trade Alert Center*», отмечает, что за торговый конфликт между США и Китаем мировая экономика заплатила почти четверть своего ожидаемого роста, упавшего до самых низких показателей с начала глобального кризиса. В абсолютных цифрах эти потери составляют 40% всего совокупного ВВП стран Африки к югу от Сахары⁴⁶.

И Россия, и Африка последовательно выступают за невмешательство во внутренние дела других стран и отстаивают приоритет национального суверенитета. Этот вопрос очень важен для африканских государств, опасющихся возврата к неокOLONIALИЗМУ. Поскольку Россия никогда не была колониальной державой и всегда поддерживала африканские государства в их антиколониальной борьбе, последние видят в ней защитницу суверенитета. Африка заинтересована в соответствующих возможностях России, и Российская Федерация уже помогает нескольким африканским государствам укрепить их технологический суверенитет в условиях растущей цифровизации континента. Ключевые вопросы в обеспечении технологического суверенитета заключаются в предоставлении правительствам африканских стран контроля над сбором, хранением и использованием данных конфи-

⁴⁶ Evennet S.J., Fritz J. Going It Alone? Trade policy after Three Years of Populism. Global Trade Alert Report // Global Trade Alert. December 2019.
URL: <https://www.globaltradealert.org/reports/48>

денциального характера (в частности о геоинформации, ключевых объектах инфраструктуры и территориях), а также программным обеспечением.

Что касается международных отношений, то Россия стремится к укреплению политического сотрудничества с африканскими государствами с целью согласования подходов к происходящему на международной арене. Африканские государства составляют большую и влиятельную группу в ООН. Между Россией и африканскими государствами существует значительное взаимопонимание, и африканские страны часто поддерживают Россию на международных форумах и в международных организациях. Так, на сессии Генеральной Ассамблеи ООН 19 декабря 2017 г. антироссийскую резолюцию Украины, которую всячески продвигали США, поддержали 70 государств, но 76 стран воздержались, а 26 проголосовали против. Поддержали резолюцию всего три африканских государства (Ботсвана, Либерия, Сейшельские острова), 33 государства воздержались (в том числе Алжир, Ангола, Египет, Эфиопия, Гана, Кения, Мозамбик и Нигерия), а 12 государств (включая Джибути, Марокко, Сомали и Тунис) уклонились от голосования⁴⁷.

Первый саммит Россия-Африка, состоявшийся в октябре 2019 г., дал мощный импульс развитию как двусторонних, так и многосторонних политических отношений с африканскими государствами. Его участники приняли совместную декларацию, определяющую цели и задачи дальнейшего развития российско-африканского сотрудничества во всех сферах: политики, обеспечения безопасности, торгово-экономической, правовой, научно-технической, гуманитарной и информационной, в области охраны окружающей среды. В декларации была также представлена новая площадка для диалога: Форум партнерства Россия-Африка, а его высшим органом станет саммит Россия-Африка, который будет проводиться один раз в три года. В декларации также заявлено, что в период между саммитами Российская Федерация будет проводить ежегодные политические консультации министров иностранных дел России и африканских государств, являющихся действующими, предыдущими и будущими председателями Африканского союза⁴⁸.

На саммите был также подписан Меморандум о взаимопонимании между Евразийской экономической комиссией и Комиссией Африканского союза (КАС). Следует отметить, что Россия и государства Африки активизировали и межпарламентские контакты. С 2018 г. проводится Российско-африканский общественный форум. Посредством ряда инициатив Россия стремится использовать инструменты мягкой силы для повышения привлекательности российской культуры, науки и образования на африканском континенте. Чтобы повысить осведомленность африканцев о проводимой страной поли-

⁴⁷ Урнов А.Ю. США – Африка: политика администрации президента Д. Трампа. 2017–2019 годы / А, Ю. Урнов. - Москва: Институт Африки РАН, 2020.

⁴⁸ Outcomes of the first Russia-Africa Summit and Economic Forum. Roscongress to continue working on the African track until the next Forum // Roscongress. News. 28.10.2019.
URL:<https://roscongress.org/en/news/podvedeny-itogi-pervogo-sammita-i-ekonomicheskogo-foruma-rossija-afrika-roskongress-prodolzhit-rabotu-na-afrikanskom-treke-v-period-do-sledujushchego-foruma/>

тике и истинном состоянии российской экономики и не допустить искажения этой информации «кривым зеркалом» западных СМИ, Россия использует свои средства массовой информации. Однако сделать еще предстоит немало. России необходимо расширить свое информационное присутствие в Африке и обеспечить в собственном медийном пространстве более точное и полное отображение реалий жизни на африканском континенте.

В настоящее время Россия является одним из ключевых поставщиков глобальной безопасности. Учитывая сегодняшние беспокойные международные отношения, ее особая привлекательность заключается в ее приверженности делу укрепления мира и безопасности и ее практическом вкладе в их достижение и обеспечение. Россия может защитить политический суверенитет других государств и предпринять успешные усилия по разрешению конфликтов, о чем свидетельствует политика России в Сирии. Помимо оружия, Россия обладает технологиями безопасности, которые уже сейчас могут значительно улучшить архитектуру безопасности в Африке и оказать прямое воздействие на решение многих проблем безопасности африканских государств.

Россия четко дает понять, что готова к политическому и экономическому сотрудничеству со всеми желающими африканскими государствами. Как внешнеполитический партнер Россия может уравновешивать влияние других иностранных игроков, что нередко предоставляет африканским партнерам больше возможностей для формирования собственной внешней политики. Несмотря на динамичное и довольно успешное развитие российско-африканского политического сотрудничества в настоящее время, России еще предстоит стратегически и системно концептуализировать свое политическое взаимодействие с африканскими государствами.

Экономическая повестка дня России в Африке

В 2018-2019 гг. отношения России и Африки заметно активизировались. Тем не менее, в силу исторических причин, в них все еще наблюдается определенный перекос: 80% внешнеторгового оборота России с африканскими государствами по-прежнему приходится на Северную Африку. Важной задачей остается наращивание торговых и экономических связей с африканскими странами к югу от Сахары. Площадками для активизации усилий в этой сфере являются как уже ранее существовавшие, так и вновь созданные межправительственные комиссии, в состав которые входят представители России и африканских государств, их торговых палат и деловых кругов. С 2018 г. Минэкономразвития ежегодно проводит представительные конференции Россия-Африка по развитию деловых связей и торговли с континентом.

Экономическое измерение африканской политики России прагматично. Российские производители ищут новые рынки для своих товаров и услуг, они также заинтересованы в минеральных ресурсах Африки и продуктах тропического сельского хозяйства. Кроме того, ведется работа по увеличе-

нию экспорта удобрений, продукции машиностроения, оборудования, фармацевтики и прочих товаров российского производства в Африку.

Россия заинтересована в добыче и/или покупке определенных минеральных ресурсов в африканских государствах. Она испытывает в них нехватку в силу того, что ее собственные месторождения истощаются, а отыскание и разработка новых залежей представляет все большую сложность. Кроме того, после развала СССР Россия утратила доступ к некоторым важнейшим ресурсам. Африка же, напротив, богата уникальными природными ресурсами, а стоимость производства там относительно дешева. Африканские территории еще не полностью изучены в геологическом отношении, и Россия оказывает на континенте важные услуги по геологоразведке и разработке месторождений полезных ископаемых. Важно отметить, что по качеству и цене предлагаемых услуг Россия имеет конкурентные преимущества, поэтому сотрудничество в этой области имеет прекрасные перспективы.

В последнее десятилетие соответствующие российские компании стали заметными игроками в разведке и добыче углеводородов и минеральных ресурсов Африки. На континенте активно действуют Газпром, Роснефть, Лукойл, Ренова, Русал, Северсталь и *Nordgold*. Деятельность российских компаний в Африке отличается гибкостью, и они, являясь иностранными инвесторами, повышают свою социальную ответственность и участвуют в создании производственных цепочек, а нередко – и в осуществлении перехода от переработки ресурсов к производству готовой продукции.

В последнее время активно расширяется российско-африканское сотрудничество в сфере сельского хозяйства и агробизнеса. Россия заинтересована в продуктах тропического сельского хозяйства (кофе, чай, какао, цитрусовые). Африканские государства увеличили продажи фруктов и овощей в Россию, в значительной степени вытеснив продукцию из стран ЕС. Кроме того, Россия активно экспортирует в Африку собственную сельскохозяйственную продукцию (основным экспортируемым товаром остается зерно, но Минсельхоз планирует к 2024-2025 гг. увеличить в несколько раз экспорт муки, продукции животноводства, сельхозтехники и оборудования).

Россия также заинтересована в экспорте своих услуг и технологий. В их числе цифровые и технологические решения, ноу-хау в строительстве АЭС и других объектов инфраструктуры (гидроэлектростанции, заводы, предприятия легкой промышленности и по переработке сельхозпродукции), технологии нефтепереработки и строительства трубопроводов, а также космические технологии и услуги (например, запуск спутников африканских государств).

Африканцы заинтересованы в российских товарах и услугах, но еще больше – в российских инвестициях, особенно в инфраструктуру и промышленные проекты, науку, здравоохранение и подготовку кадров. Африка испытывает колоссальный «инфраструктурный голод»: половина населения континента не имеет постоянного доступа к электроэнергии. Здесь может быть очень востребован опыт Росатома, поскольку компания явля-

ется мировым лидером в строительстве АЭС. Африка хочет развивать ядерную энергетику: из 30 государств, планирующих строительство АЭС, 10 – африканские. Росатом помог построить исследовательские реакторы в Алжире, Демократической Республике Конго, Ливии, Марокко и Нигерии.

В рамках Международного агентства суверенного развития разработаны амбициозные проекты. Основное внимание Агентства, созданного в 2019 году для оказания помощи правительствам развивающихся стран, в том числе африканских государств, направлено на оказание содействия проведению экономических реформ, привлечению средств на международных рынках капитала и раскрытию потенциала увеличения акционерной стоимости крупнейших корпораций в регионе.

Недавно агентство подписало соглашения, в соответствии с которыми будет консультировать правительства Республики Нигер, Гвинейской Республики и Демократической Республики Конго (ДРК), а также участвовать в финансировании программ местного развития. Нигер ищет финансирование для строительства нефтепровода протяженностью 1300 км, а Гвинея и ДРК стремятся улучшить свои транспортные инфраструктуры, включая железные и автомобильные дороги.

Также жизненно важно помочь Африке в строительстве дорог, аэропортов, портов и электростанций. Россия внесла огромный вклад в борьбу с инфекционными заболеваниями на континенте, в частности с вирусом Эбола, и могла бы продолжить эту деятельность. По состоянию на 11 июня 2020 г., к России за помощью в борьбе с пандемией коронавируса обратились 29 африканских государств и Африканский союз, и такая помощь уже была предоставлена Гвинее, Демократической Республике Конго, Джибути и Южной Африке⁴⁹.

В 2015 г. был создан Российский экспортный центр с целью продвижения на экспорт продукции несырьевых секторов экономики России. В последние годы несырьевой и неэнергетический экспорт России действительно увеличился: в 2019 г. 84%⁵⁰ российского экспорта в государства Северной Африки было несырьевым и неэнергетическим, а для стран Африки к югу от Сахары этот показатель составляет около 67%⁵¹.

В последние годы ЕАЭС также расширил сотрудничество с Африкой и Ближним Востоком, особенно с учетом акцента на диверсификацию торговых потоков из стран-членов ЕАЭС. Диалог ЕАЭС-АС направлен на активизацию торгово-экономического сотрудничества между входящими в них странами и на продвижение интеграции в рамках соответствующих союзов. В 2010–2018 гг. товарооборот ЕАЭС с африканскими государствами вырос

⁴⁹ Россия получила обращения о помощи в борьбе с пандемией от 29 государств Африки // ТАСС. 11.06.2020.
URL: <https://tass.ru/obschestvo/8707391>

⁵⁰ North Africa // Russian Export Centre.
URL: https://www.exportcenter.ru/international_markets/world_map/north_africa/

⁵¹ Tropical Africa // Russian Export Centre.
URL: https://www.exportcenter.ru/international_markets/world_map/tropical_africa/

почти в 2,7 раза, достигнув по итогам 2018 г. 21,7 млрд долл., однако почти 80% экспорта стран ЕАЭС приходится всего на пять африканских государств (Алжир, Египет, Марокко, Нигерию и Тунис)⁵². Такие пропорции нужно менять.

Российская промышленная зона в особой экономической зоне Суэцкого канала в Египте является ключевым проектом в развитии торговых связей и промышленного сотрудничества между Россией и Африкой. Межправительственное соглашение между Россией и Египтом о создании Российской промышленной зоны (РПЗ) было подписано 23 мая 2018 г. К работам по возведению РПЗ уже приступили. Многие российские компании, работающие в разных сферах и стремящиеся выйти на рынки Африки и Ближнего Востока, заинтересованы в том, чтобы иметь место в этой зоне. Этот долгосрочный (не менее 50 лет) проект призван дать мощный импульс торгово-экономическим отношениям России не только с Египтом, но и со всеми африканскими государствами. РПЗ может также служить площадкой для наращивания экспорта российских товаров в Азию и Европу⁵³.

Стратегическое значение имеет военное и военно-техническое сотрудничество России и Африки. Россия стремится помочь африканским государствам в обеспечении безопасности, являющейся необходимым условием для их развития. Она заключила соглашения о военно-техническом сотрудничестве с 40 африканскими государствами, а с некоторыми из них есть соглашения о сотрудничестве и в области обороны. Российское вооружение и военная техника востребованы в Африке благодаря высокому качеству, пригодности к использованию в африканских условиях и доступной цене. Россия поставляет в Африку оружие, обеспечивает послепродажное обслуживание и осуществляет подготовку кадров. По состоянию на октябрь 2019 г., портфель заказов африканских стран на российское оружие составляет 14 млрд долл.⁵⁴

В итоговой декларации саммита Россия-Африка 2019 г. партнеры договорились объединять усилия в содействии торговле, инвестированию и устойчивому развитию в целях придания глобальной экономической системе более социально ориентированного характера, выступать против любых проявлений одностороннего подхода, протекционизма и дискриминации, поддерживать основанный на правилах Всемирной торговой организации режим мировой торговли. Они также договорились сообща противодействовать политическому диктату и валютному шантажу при осуществлении международного торгово-экономического сотрудничества, пресекать стремление отдельных стран присвоить себе исключительное право определять целе-

⁵² ЕАЭС и Африканский Союз обсуждают проект Меморандума о взаимопонимании // ЕЭК. 17.09.2019.
URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/17-09-2019-2.aspx>

⁵³ Создание РПЗ в зоне Суэцкого канала увеличит темпы роста российского экспорта // Российский экспортный центр. 9.10.2019.
URL: https://www.exportcenter.ru/press_center/news/sozдание-rpz-v-zone-suetskogo-kanala-uvlechit-tempy-rosta-rossijskogo-eksporta/

⁵⁴ Портфель заказов африканских стран на российское оружие достиг \$ 14 млрд // Интерфакс. 23.10.2019.
URL: <https://www.interfax.ru/russia/681421>

сообразность и допустимые параметры законного взаимодействия между другими странами⁵⁵. Россия и африканские государства также осудили практику введения односторонних принудительных мер, не основанных на международном праве. Они рассматривают подобные санкции либо проявлением двойных стандартов, либо навязывание некоторыми государствами собственной воли другим государствам.

Российско-африканские отношения в посткризисную эру

Выход России из кризиса без катастрофических экономических и политических последствий предоставит Москве возможность не только сохранить, но и укрепить свои позиции в Африке. Москва остается важным участником большинства многосторонних переговоров по безопасности и развитию в ряде регионов глобального Юга (главным образом в Северной Африке). В то же время Москва, очевидно, не сможет инвестировать в Африку крупные невозвратные ресурсы, поэтому попытается строить свои отношения с африканским миром на основе «коммерческой» модели. Африка вряд ли будет одним из стратегических внешнеполитических приоритетов России, сопоставимым с США, Европейским союзом или Восточной Азией. Очевидно, что в своей африканской политике Москва продолжит делать ставку на двусторонние отношения с традиционными стратегическими партнерами, такими как Египет, ЮАР и Эфиопия. Как и в других государствах, системный кризис в России усилит изоляционистские настроения, и общественное мнение вряд ли воспримет с пониманием предложения об увеличении помощи России Африке.

Если региональная нестабильность в Африке усилится, то Россия может получить определенные дополнительные тактические возможности, особенно с учетом вероятного роста в африканских государствах антизападных настроений. Эти возможности расширятся, если внимание к Африке со стороны США будет ослаблено из-за их собственных растущих внутренних проблем и нехватки ресурсов, которые можно было бы направить на программы помощи. При желании Россия могла бы использовать посткризисный «вакуум власти» во многих африканских регионах в своих интересах. Кроме того, нестабильность объективно повышает ценность военной силы и возможностей ее проецирования. Иначе говоря, нестабильность повышает ценность тех инструментов внешней политики, с помощью которых Россия может конкурировать как с США, так и с Китаем (в случае с Китаем уместнее говорить о дополнении его экономических инициатив на глобальном Юге).

Соответственно, у России будет возможность использовать «сирийскую» или «ливийскую» модель для продвижения своих интересов в нестабильных африканских регионах. В условиях ограниченности материальных ресурсов и ущерба, нанесенного пандемией и низкими ценами на углеводороды, Россия, похоже, более склонна использовать «ливийскую» модель, избегая прямой

⁵⁵ На саммите Россия-Африка приняли итоговую декларацию //ТАСС. 24 октября 2019.
URL:<https://tass.ru/politika/7041693>

вовлеченности в конфликты. Она будет стремиться поддерживать конструктивные отношения с главными сторонами конфликтов и преследовать не столько общие геополитические, сколько конкретные экономические цели.

С другой стороны, у России появляется возможность продвигать создание широких международных коалиций, призванных решать региональные проблемы. Было бы неправильно рассматривать интересы России в Африке как принципиально несовместимые с интересами Запада, тем более что само понятие «Запад» по отношению к глобальному Югу не вполне корректно: по целому ряду африканских проблем Европейский союз занимает гораздо более близкие позиции с Россией, чем с США.

Самым сложным вопросом для Москвы является демонстрация ее сравнительных преимуществ как партнера в реализации программ экономической и социальной модернизации Африки. Привлекательность СССР в Третьем мире объяснялась тем, что Москва действовала как геополитический противовес Вашингтону и поддерживала развивающиеся государства в их противостоянии с бывшими колониальными державами. Кроме того, СССР предлагал свою версию будущего глобального Юга, свою модель развития и свои рецепты решения актуальных социально-экономических проблем в развивающихся странах. И хотя советская модель в конечном итоге потерпела неудачу, но она по-прежнему продолжала оказывать влияние на африканские элиты и общества.

Россия – это не Советский Союз. В настоящее время она не может служить моделью развития ни для африканских государств, ни для кого-либо еще в мире. Многие острые проблемы, характерные для африканских государств (зависимость от экспорта углеводородов и других ресурсов, социальное неравенство, низкая эффективность государственного управления, коррупция, слабая мотивация к инновациям и т.д.), актуальны для сегодняшней России в такой же или почти такой же степени. Но именно общие проблемы и вызовы создают дополнительные возможности для равноправного сотрудничества. Не претендуя на роль учителя и наставника, Россия могла бы предложить африканским государствам совместное решение сложных задач социально-экономической и политической модернизации «полупериферийных» обществ в глобальном мире XXI в.

Учитывая как военные, так и политические реалии сегодняшнего дня, а также проблемы и возможности, которые лишь смутно вырисовываются на горизонте, возможно, пришло время подумать о долгосрочной стратегии России в Африке. Например, и Россия, и африканские экспортеры углеводородов сталкиваются с общим вызовом глобальной энергетической революции. В будущем совместная подготовка к этой неизбежной революции может оказаться не менее важным, чем достижение соглашения ОПЕК+ о квотах на добычу.

Мы уже отмечали проблему асимметрии в отношениях между Африкой и Китаем. Россия могла бы это использовать, предложив своим региональным партнерам участвовать в многосторонних структурах (например, ШОС

или БРИКС+), где доминирование Пекина будет уравновешено конкретными процедурами принятия решений с другими политическими игроками. Кроме того, Россия может ускорить переговоры о создании зон свободной торговли Африка-ЕАЭС.

Как и государства-члены ЕС, Россия выиграет от расширения круга своих африканских партнеров добавлением институтов гражданского общества, ведущих университетов, влиятельных аналитических центров. Это особенно актуально в контексте надвигающейся трансформации политической элиты Африки, в которой имеется много выпускников советских и российских университетов. Во многих государствах давно существуют русские диаспоры, и сохраняется интерес к русской культуре.

И все же для построения прочных отношений с Африкой этого недостаточно. Важно, чтобы Африка ассоциировала Россию не только с прошлым, но и с будущим, не только с поддержанием стабильности и преодолением кризисов безопасности, но и с амбициозными целями социально-экономического развития. Однако для этого Москве следует подходить к будущему Африки не только с точки зрения потенциальных угроз и вызовов для России, но и с точки зрения новых возможностей и перспектив.

Часть III. Россия и Китай в Африке: двустороннее сотрудничество

Обзор общих интересов России и Китая в Африке

Во-первых, всеобъемлющее стратегическое партнерство России и Китая в координации деятельности заложило прочную политическую основу российско-китайского сотрудничества в Африке. На политическом уровне Россия и Китай не являются стратегическими соперниками. И Россия, и Китай рассматривают Африку как важный элемент для достижения национальных стратегических целей друг друга и установления справедливого, разумного и многополюсного международного порядка.

Во-вторых, и Россия, и Китай придают большое значение поддержанию стабильности в Африке. Мир и стабильность в Африке являются предпосылками выстраивания политических и экономических отношений как между Россией и Африкой, так и между Китаем и Африкой. Россия и Китай уважают независимость и автономию Африки и не вмешиваются во внутренние дела африканских стран. Россия и Китай прилагают большие усилия для содействия экономическому и социальному развитию Африки.

В-третьих, России и Китаю необходимо сотрудничать в борьбе с терроризмом. И Россия, и Китай сталкиваются с угрозами терроризма, а борьба с ним требует развития международного сотрудничества. В последние годы терроризм в Африке набирал обороты, поэтому России и Китаю необходимы общие усилия для укрепления антитеррористического сотрудничества в Африке.

Конкуренция между Россией и Китаем в Африке

В процессе развития взаимовыгодных отношений сотрудничества с Африкой определенное соперничество России и Китая в отдельных областях неизбежно.

Первое – это экономика и торговля. Структурное различие между российско-африканской и китайско-африканской торговлей относительно велико, поэтому конкуренция между Россией и Китаем в этом плане наблюдается только в определенных областях. Объем торговли между Китаем и Африкой намного больше, чем между Россией и Африкой, и для России просто нереально полноценно конкурировать с Китаем в экономике и торговле на африканском континенте.

Второе – энергетика. Здесь между Россией и Китаем существует определенная конкуренция. Однако применительно к африканской энергетике, Россия и Китай ставят разные цели и решают разные задачи, поэтому для сотрудничества в этой области у них имеется больше оснований, чем для конкуренции.

Третье – военно-техническое сотрудничество. На протяжении долгого периода российские военные технологии опережали китайские. Таким образом, в сфере продажи оружия и военной техники Россия более конкурентоспособна, чем Китай. Быстрое развитие Китаем военных технологий усилит конкуренцию с Россией в некоторых областях военных рынков в Африке, однако эта конкуренция будет носить сдержанный характер.

Подводя итог, можно сказать, что для России и Китая Африка имеет важное стратегическое значение. У обеих стран имеются в Африке широкие общие интересы, и пространство для российско-китайского сотрудничества на континенте намного шире пространства для их конкуренции. Совместные усилия Китая и России по поддержанию мира и стабильности в Африке и оказанию содействия всестороннему развитию африканской экономики и общества отвечают стратегическим интересам обеих стран. При этом дружественное сотрудничество России и Китая в Африке придает значительный импульс всемерному укреплению их всеобъемлющего стратегического партнерства в координации деятельности.

Российско–китайское сотрудничество в Африке

По сравнению с Китаем возвращение в Африку России произошло относительно поздно. При этом она не располагает ресурсами для инвестиций в Африку. Соперничество великих держав создает условия, при которых Россия не может не обратить на Африку самого пристального внимания. У России и Китая есть общие интересы как на мировом уровне, так и в Африке. Россия и Китай могут эффективно сотрудничать в Африке, и не будут соперничать за нее или пытаться превратить ее в колонию. Рост индустриализации и урбанизации в Африке требует привлечения ресурсов и помощи извне, в том числе России и Китая. Существует семь ключевых областей российско-китайского сотрудничества в Африке (от «низкой», до «высокой» политики), а именно: общественное здравоохранение, сельское хозяйство, индустриализация, урбанизация, международная торговля, политика и безопасность, отношения с США и ЕС. Сотрудничество в этих областях может осуществляться как в рамках краткосрочных проектов, так и долгосрочных программ:

Краткосрочные проекты

(1) Общественное здравоохранение и борьба с COVID-19

Такие эпидемические заболевания, как малярия, лихорадка Эбола, ВИЧ/СПИД, вирус Зика и др., представляют угрозу для здоровья африканского населения. Вот почему создание африканской системы здравоохранения является для региона неотложной задачей. После вспышки эпидемии лечение представляет собой лишь конечный этап. Основной целью системы здравоохранения должны стать контроль и профилактика заболеваний, в первую очередь борьба с эпидемиями. Акцент в контроле заболеваний в Африке следует делать не на лечение, а на профилактику. После революции в России была создана система борьбы с эпидемиями, охватившая всю страну с ее обширной территорией и многонациональным населением со своими традициями и жизненным укладом. Этой системе контроля и профилактики заболеваний удалось успешно искоренить целый ряд эпидемических заболеваний. После своего провозглашения Китайская Народная Республика взяла на вооружение советскую модель борьбы с болезнями. КНР создала общенациональную систему эпидемиологического контроля под названием «Карантинная станция», охватывающая не только большие города, но и отдаленные сельские районы. Китаю также удалось искоренить целый ряд эпидемических заболеваний. Эта показавшая свою эффективность профилактическая модель предусматривала вакцинацию детей на дому работниками общественного здравоохранения. Для Африки российская модель борьбы с эпидемией представляется оптимальной, а у России и Китая имеется богатый опыт ее реализации на практике. В условиях угрозы пандемии COVID-19 настало время сотрудничества России и Китая

в деле оказания Африке помощи при создании такой превентивной модели «карантинной станции» с целью контроля заболеваемости.

(2) БРИКС и Новый банк развития

Россия, Китай и Южная Африка разделяют мнение, что БРИКС и Новый банк развития представляют собой стратегическую возможность для более тесного сотрудничества и развития. Связи с БРИКС позволили России, Китаю и африканским странам работать вместе. Россия, Китай и ЮАР рассматривают БРИКС как новый механизм, характеризующийся полицентричными институтами. Организация предоставляет новую платформу для вовлечения в сотрудничество большего числа африканских стран. Что еще более важно, БРИКС мог бы установить новую международную валютно-обменную систему, которая позволит избежать любого риска со стороны «длинной руки юрисдикции» США.

Занимая важные позиции в таких действующих и набирающих силу объединениях, как БРИКС, ШОС и ЕАЭС, Россия могла бы выступить в качестве архитектора принципиально нового идеологического и практического подхода к решению многих международных проблем, в том числе на африканском континенте. У России имеется опыт многосторонней дипломатии на Ближнем Востоке, где во многих конфликтных ситуациях Москве удается не только поддерживать конструктивные отношения с противоборствующими сторонами, но и содействовать сближению позиций даже самых непримиримых противников и добиваться при этом впечатляющих практических успехов. Эти методы могут во многом быть актуальными и для Африки.

В 2020 г. Россия председательствует в БРИКС. Это может быть уникальным шансом расширить взаимодействие с Африкой, тем более что Южная Африка уже является полноправным членом организации. Многие другие африканские страны ждут возможности использовать формат БРИКС для развития своих экономик, поскольку ожидалось, что Южная Африка станет так называемыми «воротами» для других африканских государств и сыграет роль «лоббиста», отстаивающего интересы «братских стран» своего континента. Этот потенциал еще не раскрыт.

(3) Образование, социальная и гуманитарная поддержка

Африке необходимо ускорить социально-экономические реформы, прежде всего для создания новых рабочих мест для 29 милл. африканцев, которые до 2030 г. будут ежегодно достигать трудоспособного возраста. Жизненно важно, чтобы новые рабочие места были доступны для молодых африканцев обоих полов: около 42% занятой молодежи Африки живет меньше, чем на 1,90 долл. в день (по паритету покупательной способности), а заработную плату в Африке получают только 12% трудоспособных женщин. Хотя африканцы являются самыми предприимчивыми людьми в мире, многим предпринимателям не хватает базовых знаний. Так, большинство молодых предпринимателей в Кот-д'Ивуаре и на Мадагаскаре не обладают достаточ-

ными знаниями и возможностями для ведения должным образом бухгалтерского учета, использования средств производства и инструментов долгосрочного планирования, выявления соответствующих технологических достижений и развития человеческого капитала.

Взаимодействие России с Китаем в этой области могло бы предоставить континенту необходимые возможности для совершения прорыва. Укрепление взаимодействия и сотрудничества между будущими поколениями и развитие глобального человеческого капитала, возможно, являются ключевой составляющей расширения международных связей. Так или иначе, все нерешенные геополитические вопросы останутся в прошлом (независимо от того, в какой степени их удастся решить). Молодое поколение будущего создаст новые модели гражданского общества. Вот почему нынешним игрокам на континенте, включая Россию, нужно делать ставку на будущее.

Россия и Китай могут сотрудничать в создании большего количества высших и профессионально-технических учебных заведений в Африке. Эти учебные заведения окажут студентам из африканских стран неоценимую помощь в приобретении навыков, необходимых для современного развития.

Есть две области, представляющие особую важность для развития континента, – это образование и продовольствие. Если африканским государствам удастся договориться не только о закупке новых технологий, но и об обучении для их внедрения, то результатом станет создание новых рабочих мест и повышение профессиональных навыков региональной рабочей силы.

Не менее важным направлением сотрудничества с другими государствами является продовольственная безопасность. Чтобы прокормить 1,3 миллиарда человек, необходимо увеличить объемы производства продуктов питания. Переход к интенсивному сельскому хозяйству потребует новых методов, техники и оборудования, удобрений, химической борьбы с сельскохозяйственными вредителями и сохранения урожая. Учитывая меняющийся характер отношений между Африкой и внешним миром, мы можем с уверенностью ожидать от африканских стран стремление создавать и производить на месте большую часть основных компонентов для сельскохозяйственного производства и переработки. Это предоставляет возможность для выгодных инвестиций и партнерства.

(4) Контртеррористические операции и операции по поддержанию мира

Для всех игроков основным препятствием для ведения бизнеса на континенте являются риски, связанные с нестабильностью и «хрупкостью» определенных режимов. После успеха в Сирии стратегии России последнюю все чаще называют «экспортером безопасности». В то же время европейские страны уже демонстрировали активность, проявляя интерес к «миротворческому» патронажу и присутствию в Африке. Следует также отметить,

что Китай в последнее время значительно увеличил свой миротворческий потенциал и по количеству отправленных с миротворческими миссиями контингентов опережает всех остальных постоянных членов Совета Безопасности ООН.

Статистика о направлении миротворцев пятью постоянными членами Совета Безопасности ООН выглядит следующим образом: Китай – 2151, Франция – 741, Великобритания – 571, Россия – 71, США – 35.

Накопленный передовой опыт наших миротворцев в африканских миротворческих миссиях является важной частью общего миротворческого процесса, включая политический, военный, дипломатический, полицейский и географический компоненты. Проведение совместных учений, обучение африканского персонала, обучение искусству ведения переговоров и дипломатии, необходимого для мирного разрешения споров, – все это будет способствовать снижению напряженности и установлению мирного сотрудничества между государствами. Россия может выступить в качестве инициатора и предоставить платформу для диалога по обеспечению безопасности в Африке, а также распространить свой опыт в рамках международного сотрудничества на континенте.

Представляется целесообразным привлечение различных групп по управлению кризисными ситуациями к диалогу по «африканским» проблемам безопасности, а также налаживание тесного сотрудничества с недавно созданной в рамках Африканского союза Группой по урегулированию конфликтов, миру и безопасности.

Сюда же относятся вопросы сотрудничества по обеспечению целостности и всеобщего характера договоров о нераспространении ядерного оружия, запрещении биологического оружия, а также взаимодействия с целью предотвращения гонки вооружений в космосе.

Долгосрочные программы

Международные организации и многосторонние международные институты

Растущая согласованность действий России, Китая и Африки в международных организациях должна придать мощный импульс усилиям по созданию многополярного мира. Все три стороны испытывают давление со стороны Запада. И Россия, и Китай, и Африка выступают против вмешательства со стороны Запада, в частности отвергают их обвинения в нарушении прав человека и неуважение прерогатив существующих международных институтов. Россия и Китай могут консолидировать возможности трех сторон в Организации Объединенных Наций и усилить роль Африканского союза. Россия и Китай могут активизировать свое участие в работе Panaфриканского форума с целью развития регионального сотрудничества в политической, экономической и социальной сферах.

Для ряда государств, на чьих отношениях с Африкой негативно сказывается

печать колониального прошлого, сотрудничество с Россией и Китаем может стать дополнительной (а иногда и единственной) возможностью улучшить свой имидж в глазах африканских коллег, что позволит развивать с ними разносторонние деловые и политические связи. Создание под эгидой России многосторонних партнерств и коалиций по конкретным вопросам во многих случаях повысило бы эффективность международных стратегий. Обсуждение африканских тем с ведущими зарубежными экспертами помогло бы сформулировать потенциальные проблемы и вызовы конкуренции при работе с континентом, опираясь, прежде всего, на задачи самих африканских партнеров.

Не следует упускать из виду и возможности, открывающиеся для укрепления глобального управления в результате реформирования и расширения состава Совета Безопасности ООН путем обеспечения более широкого участия в нем африканских государств. Согласованные действия России и Китая по общим позициям могут иметь большое значение для всех сторон, в том числе и африканских стран.

Сотрудничество в рамках проекта Шелковый путь

Дороги Шелкового пути простирались от Китая через Индию, Малую Азию, по всей Месопотамии, до Египта, Африканского континента, Греции, Рима и Британии. В 2013 г. председатель КНР Си Цзиньпин предложил создание Китаем объединенных проектов: «Экономического пояса Шелкового пути» (через Центральную Азию и Европу) и «Морского шелкового пути XXI в.» (через Южно-Китайское море и Индийский океан на Ближний Восток и в Европу). Эти программы призваны возродить древние торговые пути и укрепить существующие. Пекин соединил эти два проекта и назвал их Инициативой «Один пояс, один путь» (BRI). Ежегодный Всемирный экономический форум (ВЭФ) стал организатором «Летнего Давоса», на котором Китай официально объявил о создании и финансировании им «Африканского фонда Пояса и пути». ЮАР подписала меморандум о взаимопонимании с Китаем в отношении инициативы «Один пояс, один путь» и является одним из участников равноправного партнерства в группе БРИКС наряду с Россией, Китаем, Бразилией и Индией. Фонд будет заниматься инвестициями в Африке, в том числе совместным инвестированием в проекты инфраструктуры, технологий, электронной торговли, искусственного интеллекта (ИИ) и повышение эффективности горнодобывающей промышленности в Африке. Кроме того, Фонд будет служить платформой для сотрудничества между бизнес-секторами Китая и Африки. Инициативу «Один пояс, один путь» отличает не только амбициозность планов в отношении Большой Евразии, но и масштабная практическая деятельность, что, в свою очередь, способствует растущему признанию евразийского проекта на мировой арене и повышает авторитет евразийских структур. Россия полностью поддерживает данную инициативу, и сотрудничество в ее рамках может открыть новую страницу и во взаимодействии Россия-Китай-Африка.

Индустриализация и урбанизация

Индустриализация и урбанизация относятся к приоритетным направлениям развития Африки. Китай осуществляет инвестиции в Африку на протяжении уже нескольких десятилетий. Китайская инициатива «Один пояс, один путь» (BRI), различные проекты в Африке (такие как строительство железной дороги между Найроби и Момбасой) вносят большой вклад в индустриализацию и урбанизацию континента. Россия обладает богатым опытом и технологиями в области индустриализации, особенно в тяжелой промышленности, которая является ее основой. Она инвестировала в несколько мегапроектов, например, в строительство завода по производству удобрений в Африке. Россия и Китай могут сотрудничать в развитии индустриализации и урбанизации в Африке посредством передачи технологий и оборудования в сельскохозяйственном производстве, горнодобывающей промышленности, производстве автомобильных комплектующих, химикатов, информационных технологий и связанных с ними услуг.

Ослабление позиций авиакомпании «Боинг» и технические проблемы парка ее самолетов открывают для России и Китая возможности сотрудничества в области обеспечения самолетами страны Африки. Китайские С-919 и С-929, «Вертолеты России» станут новым направлением сотрудничества. Китайская *Beidou* и российская ГЛОНАСС могут предоставлять Африке навигационные услуги.

Инфраструктура, ИТ и цифровизация

Россия и Китай могут работать вместе для улучшения существующей и строительства новой инфраструктуры в Африке. Проблемы, с которыми сталкиваются экономически слабые страны и население Африки из-за нарушений в функционировании инфраструктуры, огромны. Особенно пагубно они сказываются на жизни людей и предоставлении услуг в условиях стихийных бедствий.

Технологическая революция, происходящая на континенте, открывает новые возможности для более тесного сотрудничества между Африкой и странами, желающими инвестировать в перспективные рынки. Ожидается, что за предстоящее десятилетие Африка изменится больше, чем за весь прошлый век. Во-первых, внедрение африканскими странами новых технологий и устойчивых практик позволит ускорить развитие всего континента. В цифровой картине мира произошли стремительные изменения, и Африка, перескакивая в развитии сразу через несколько ступеней по сравнению с экономикой Европы и Азии, просто не имеет времени на раскачку. Во-вторых, преобразование Африки создает новые многообещающие области, в которых могут быть востребованы иностранные технологии и ноу-хау, то есть области, привлекательные для иностранных инвестиций. Африканские страны составляют не менее половины из 15 государств, в которых нарушения функционирования каждой категории инфраструктуры имеют особо печальные последствия. По оценкам Африканского банка развития, для устранения имеющихся в Африке

инфраструктурных проблем континенту потребуется от 130 до 170 млрд долл. ежегодно. Россия и Китай могут сыграть важную роль в развитии и поддержке устойчивости и надежности объектов инфраструктуры.

Атомная энергетика и континентальная энергосеть стран Африки к югу от Сахары

Значительный потенциал для сотрудничества создает технологическое взаимодействие в различных секторах, таких как энергетика, инфраструктура, телекоммуникации и цифровизация экономики. Россия продолжит курс на продвижение сотрудничества в области энергетической безопасности, включая диверсификацию энергетических ресурсов, использование возобновляемых источников энергии и реализацию совместных проектов в сфере гражданской ядерной энергетики в Африке. Продолжится взаимовыгодное сотрудничество в нефтегазовой отрасли. На саммите Россия-Африка, прошедшем в 2019 г., обсуждалось создание центров ядерных исследований в нескольких африканских государствах. Россия занимает лидирующие позиции в развитии и использовании ядерной энергии в мирных целях, работает с партнерами по производству и поставке отдельных компонентов и оборудования, а также с глобальными игроками в ядерной энергетике. Проекты в этом секторе достаточно дорогостоящие и найти для них финансирование непросто.

Предоставить софинансирование сами африканские государства не в состоянии, а получить кредиты от международных институтов развития странам со значительным суверенным долгом опять-таки сложно. В этой связи важно отметить, что АЭС служат своего рода «гарантом безопасности». Несмотря на существующую нестабильность, африканский континент по-прежнему рассматривается не как очаг конфликтов, а, прежде всего, как площадка для инвестиций и развития.

Все больше африканских стран берут на себя обязательства по борьбе с изменением климата и отказываются от угольной энергетики. Нехватка электроэнергии станет очень серьезным препятствием на пути развития Африки. Для решения этой проблемы Африке, особенно ее странам к югу от Сахары, требуется использовать больше экологически чистых видов энергоносителей, например, солнечной энергии. Однако лучшим решением будет создание единой континентальной энергосети на базе одной или двух атомных электростанций. Комбинация российских и китайских технологий строительства атомных электростанций и китайской технологии передачи электроэнергии по линиям сверхвысокого напряжения приведет к созданию «зеленой Африки».

Сотрудничество в области экологии, защиты окружающей среды и устойчивого развития

Итоговым документом саммита Россия-Африка в Сочи стала Декларация, в которой особое место отводится сотрудничеству в области охраны окружающей среды. В статье 45 Декларации говорится о намерении «активизи-

ровать усилия по борьбе с изменением климата в Африке, осуществлять передачу соответствующих технологий, наращивать потенциал африканских государств и расширять их возможности по повышению устойчивости и адаптации к негативным последствиям изменения климата». Россия недавно ратифицировала Парижское соглашение по климату и сейчас присоединяется к активной фазе противодействия его изменению на планете. Располагая мощной научно-методической базой, Россия готова определить актуальные для Африканского континента возможности на основе своих фундаментальных и научных исследований. Особую значимость в рамках африканской повестки дня может иметь сотрудничество с другими странами-участницами, которое предложит дополнительные конструктивные форматы диалога.

Заключение

Перспективные возможности и решения: устойчивое развитие и политическая стабильность в условиях коронавирусного кризиса

Старый афоризм гласит, что любой «кризис – это не только проблемы, но и новые возможности». Ситуация «идеального шторма» может и должна послужить стимулом для поиска новых моделей и стратегий модернизации, принятия непопулярных и рискованных, но необходимых решений, расширения международного сотрудничества, формирования широких социальных и политических коалиций, которые не могли быть созданы при других обстоятельствах. Африканские государства могут использовать кризис для форсированного перехода к новым алгоритмам экономического и социального развития, отвечающим реалиям XXI в.

Осознание общности вызовов и проблем для Африки в целом может помочь континенту преодолеть нынешние политические разногласия, выработать единую повестку дня и способствовать формированию ныне отсутствующей групповой солидарности африканских государств. Очевидно, что новые стратегии должны основываться на идеях устойчивого социально-экономического развития и политической стабильности, а также на отходе от традиционных альтернатив XX в. (демократия против авторитаризма, рыночная экономика против планового хозяйства, либерализм против социализма и т.п.).

Любая из перечисленных экономических и социальных проблем имеет определенный потенциал развития. Так, зарождающаяся энергетическая революция открывает перед африканскими государствами возможности как объединения усилий для создания нового энергетического сектора, так и лидерства в отдельных его областях. В силу географии, климата и ресурсов Африка имеет очевидные сравнительные преимущества для развития нового энергетического сектора. Возникают новые потенциальные возможности для расширения сотрудничества африканских государств с Китаем (в солнечной энергетике), Европейским союзом (в ветроэнергетике), с Россией (в гидроэнергетике и атомной энергетике). Снижение роли традиционной углеводородной энергетики ограничит для африканских стран стимулы для сохранения экономики, основанной на ренте от природных ресурсов.

Хотя цифровизация и автоматизация и создают для Африки проблемы, но они также открывают возможности для включения континента в новые развивающиеся глобальные производственные цепочки. Опыт многих государств Восточной и Юго-Восточной Азии показывает, что создание благоприятной цифровой экономической среды создает множество новых

рабочих мест и сокращает рабочую неделю; новые секторы экономики положительно влияют на традиционные производства, открывая новые перспективы для активного вовлечения женщин и молодежи в экономическую жизнь.

При благоприятном развитии событий переход к новой технологической парадигме сократит существующий разрыв между городским и сельским населением. Новые технологии станут дополнительным импульсом для предприятий вывести производство за пределы городских центров, а качество жизни в сельской местности улучшится. Государственным монополиям и клановым экономическим системам будет нанесен серьезный удар, что сделает экономику африканских стран в целом более эффективной. Развитие цифровой экономики отчасти компенсирует неизбежное падение географической мобильности населения и сокращение миграционных потоков в мире после окончания эпидемии COVID-19.

Кроме того, стремительная урбанизация может оказаться для Африки преимуществом, а не недостатком. Большие города и агломерации будут иметь наибольшую привлекательность для иностранных инвестиций в силу доступности рабочей силы, емкости местных рынков и относительно развитой инфраструктуры. Как правило, городская среда предоставляет больше экономических и социальных возможностей для женщин и молодежи – в ней наблюдается большая социальная и профессиональная «вертикальная мобильность», чем в небольших городах и сельской местности. Крупные города могут служить лабораториями для поиска решений социальных и экологических проблем, особенно если городские власти обладают достаточной финансовой и административной автономией для реализации своих планов. Большие города могут воспитать новое поколение политиков, способных расширить горизонты политического пространства и бросить вызов консервативным и архаичным старым элитам.

Китай, несомненно, останется в обозримом будущем основным внешним игроком, способным ускорить переход Африки к устойчивому развитию. Китайские инвестиции могут сыграть важную роль в модернизации инфраструктуры Африки и упрощении доступа континента к растущим рынкам Восточной Азии. Если, несмотря на все сопутствующие экономическому росту Китая проблемы, Пекину удастся его сохранить и сделать устойчивым, то успешная реализация проекта «Один пояс, один путь» радикально изменит социально-экономический ландшафт не только в Евразии, но и во многих африканских регионах.

Национальные элиты будут все больше заинтересованы в сотрудничестве с Китаем – значительную часть африканских элит привлекут планы Китая по созданию международных и финансовых институтов и режимов, которые составят альтернативу западным. То же самое относится и к неприятию Пекином универсализма западных ценностей. Участие африканских государств в проекте «Один пояс, один путь» естественным образом увеличит асимметрию в экономических связях Китая с его партнерами. Вряд ли афри-

канский мир выработает некую консолидированную позицию в отношении Китая, но исключать этого нельзя. В противном случае африканские государства будут конкурировать друг с другом в предоставлении Пекину максимально возможных преференций и льгот, что еще больше усилит общую асимметрию Африканского континента в его сотрудничестве с Китаем.

Современные и стратегически мыслящие лидеры могут использовать государственные институты для обеспечения эффективной социально-политической мобилизации, которая является обязательной предпосылкой для успешности национальных проектов модернизации. Сильное и уверенное в себе государство могло бы выполнять функции законного арбитра и стабилизатора различных, а подчас и противоположных экономических и социальных интересов. Точно так же только сильное государство может обеспечить стабильный и эффективный баланс между центром и периферией и гарантировать управляемую и последовательную децентрализацию, не опасаясь допустить неконтролируемый крах государства. Сильное государство способно стать ответственным международным игроком и участвовать в региональных соглашениях и альянсах. Если устойчивый регионализм и возможен в Африке в принципе, то он возможен только при участии сильных государств.

Религиозный плюрализм и прогресс в принятии индивидуального выбора в религиозных вопросах подтолкнут общества к большей терпимости и преодолению последствий старых конфессиональных конфликтов. Хотя субнациональные групповые идентичности продолжают играть в Африке важную роль, постепенное смещение акцента на индивидуальные права и свободы позволит закрепить приоритет общенациональной идентичности над иными групповыми идентичностями. Столкнувшись с необходимостью бороться за лояльность своей паствы, религиозные организации будут вынуждены дистанцироваться от государства в своих практических действиях, отказаться от политизации религиозных аргументов и сосредоточиться на насущных потребностях местных сообществ. Такое развитие событий может привести к более активному и конструктивному межконфессиональному диалогу.

Наконец, низкая вероятность появления в Африке в ближайшем будущем надежных систем коллективной безопасности вовсе не означает, что добиться успехов в сфере безопасности вообще невозможно. Сегодня беспрецедентно высока общая потребность глобального Юга в создании региональных механизмов урегулирования кризисных ситуаций, которые могли бы смягчить потенциальные последствия новых инцидентов и просчетов, снизить риски эскалации. Само отсутствие таких механизмов является значительным фактором нестабильности, поскольку служит постоянным источником недоверия и подозрений в отношении намерений потенциальных противников. Ближайшая цель заключается не в решении всех проблем Африки в области безопасности, а в обеспечении большей предсказуемости и взаимной уверенности в возможности эффективного урегулирования неизбежных микро-, мини- и мега- кризисов.

Отправной точкой в «установлении контроля над рисками эскалации» должно стать создание каналов связи и групп урегулирования кризисов, которые могли бы обмениваться данными раннего предупреждения и сведениями, полученными с помощью надежных инструментов технического мониторинга. Даже такая скромная цель потребует от потенциальных противников принятия политически смелых решений, но ее достижение представляется вполне выполнимым.

История вступила в новую эру. Сердцевиной международных отношений продолжает оставаться геополитика. Однако эпидемия COVID-19 показывает, что в эпоху глобализации любой небольшой кризис превращается в «черного лебедя» и ставит под угрозу стабильность всего международного порядка. Наложение упадка демократической системы на политику идентичности приводит к резкому усилению влияния внутренней политики на международные отношения. США обеспокоены неудовлетворительным развитием своей промышленности. Они потеряли уверенность в том, что продолжают первенствовать в науке и технологиях. Они боятся любого вызова со стороны восходящих держав. Вот почему США начали ставить глобализацию под сомнение. Существующие международные обязательства уже утратили былую строгость их соблюдения. Международная система, созданная после Второй мировой войны, также сталкивается с беспрецедентными проблемами и кризисами. Под жестоким давлением США многие страны вынуждены делать выбор, на чьей они стороне в политической, промышленной и технологической системах. Мир охватил кризис деглобализации. Мгла новой «холодной войны» погрузит мир в беспрецедентное по своей непредсказуемости состояние. Мир находится на пороге глобального кризиса.

Между Россией и Китаем существует определенное соперничество в некоторых областях, и внешние силы, заинтересованные в том, чтобы подорвать российско-китайское сотрудничество, никогда не оставляли попыток вбить между ними клин. Однако искреннее стремление России и Китая к взаимодействию и огромные возможности китайско-российского сотрудничества не вызывают сомнения, а политической основой их двустороннего сотрудничества на международной арене является высокий уровень стратегического взаимного доверия. В нынешний период великих преобразований российско-китайское сотрудничество является основной силой в деле поддержания стабильности мировой системы. Есть все основания полагать, что Африка способна стать либо ядром фундаментальных проблем мирового порядка XXI в., либо незаменимым компонентом их решения. Это лишь подстегнет несбалансированность развития Африки.

С 2000 г. Китай приводит «Форум сотрудничества Китай-Африка», а в 2019 г. Россия организовала Саммит и Экономический форум Россия-Африка. Россия и Китай разделяют в Африке общие интересы. Взаимодополняемость и взаимодействие – вот основа российско-китайского сотрудничества в Африке. Сотрудничество между Россией и Китаем в Африке

отвечает задачам развития Африканского континента, а также его реальным потребностям и ценностям. Сотрудничество и развитие являются собой консенсус и международную ответственность обеих сторон. Китай и Россия никогда не колонизировали Африку. Напротив, они оказали огромную поддержку африканским странам в процессе избавления от колониального гнета, поддержали национально-освободительное движение и независимое национальное развитие, что оказало большое влияние на формирование мирового порядка после Второй мировой войны. Мир, развитие и взаимовыгодное сотрудничество – это основа не только долгосрочной дружбы и сотрудничества между Россией и Китаем, но и трехсторонней дружбы и сотрудничества Россия-Китай-Африка. Двустороннее российско-китайское сотрудничество в Африке направлено на внесение достойного вклада в превращение континента в процветающий, мирный и богатый регион.

Развитие Африки определяет тенденцию развития международной политической системы. Всеобъемлющее сотрудничество между Россией, Китаем и Африкой является важнейшим фактором предотвращения краха существующей международной системы. Сотрудничество между Россией и Китаем в Африке – это не только процесс оказания Африке односторонней помощи, но и процесс открытия для Африки рынков обеих стран с тем, чтобы развитие континента набрало такой же темп, что и стремительно наращивающее обороты российско-китайское взаимодействие, и он смог воспользоваться плодами мира и развития на основе российско-китайского сотрудничества. Сотрудничество России, Китая и Африки не является закрытым. Оно предоставляет открытую и дружественную платформу. Воспользоваться этой исторической возможностью и включиться в процесс сотрудничества могут все страны мира. Оно является беспрецедентным в истории человечества и прокладывает путь к построению общего будущего Азии, Европы и Африки.

Об авторах

Андрей Кортунов, кандидат исторических наук, генеральный директор РСМД

Ольга Кулькова, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра изучения российско-африканских отношений и внешней политики африканских стран Института Африки РАН

Наталья Цайзер, кандидат филологических наук, председатель правления СОЮЗА «Африканская деловая инициатива»

Лора Чкония, программный координатор РСМД

Татьяна Богдасарова, кандидат политических наук, программный менеджер РСМД

Гуань Гуйхай, доктор философии, исполнительный вице-президент Института международных и стратегических исследований Пекинского университета

Лю Хайфан, доктор философии, доцент Института международных и стратегических исследований Пекинского университета

Сюй Лян, доктор философии, доцент Института международных и стратегических исследований Пекинского университета

Лэй Шаохуа, доктор философии, специальный научный сотрудник Института международных и стратегических исследований Пекинского университета

Российский Совет по международным делам

Российский совет по международным делам (РСМД)-некоммерческий аналитический центр по международным отношениям, призванный давать политические рекомендации всем российским организациям, занимающимся внутренними делами.

РСМД вовлекает экспертов, государственных деятелей, предпринимателей и представителей гражданского общества в публичные дискуссии с целью повышения эффективности российской внешней политики. Наряду с научно-исследовательской и аналитической деятельностью РСМД участвует в образовательной деятельности, направленной на создание солидного коллектива молодых специалистов по глобальным делам и дипломатии.

РСМД является активным игроком на арене публичной дипломатии, представляя на международной арене видение России по ключевым вопросам глобального развития. Членами РСМД являются лидеры российского внешнеполитического сообщества – дипломаты, бизнесмены, ученые, общественные деятели и журналисты.

Президент РСМД Игорь Иванов, член-корреспондент Российской академии наук, с 1998 по 2004 год занимал пост министра иностранных дел Российской Федерации, а с 2004 по 2007 год – секретаря Совета Безопасности.

Генеральный директор РСМД – Андрей Картунов. С 1995 по 1997 год доктор Картунов был заместителем директора Института американских и канадских исследований Российской академии наук.

Институт международных и стратегических исследований Пекинского университета

Институт международных и стратегических исследований Пекинского университета (IISS) стремится содействовать развитию академических и политических исследований, связанных с мировой политикой, международной безопасностью и глобальной стратегией. Исследования Института фокусируются на анализе международных ситуаций, с которыми сталкивается Китай, а также международной стратегии соответствующих стран. На основе проведенного анализа IISS публикует результаты исследований и представляет их соответствующим органам власти. Исследования характеризуются политической значимостью и видением будущего.

IISS стремится оказывать интеллектуальную поддержку китайскому руководству в принятии решений по международной стратегии, а также оказывает влияние на преподавание соответствующих предметов. IISS побуждает общественность разумно, правильно понимать вопросы, связанные с национальной безопасностью и международной стратегией. Результаты его исследований включают в регулярно публикуемый Брифинг по международным стратегическим исследованиям и ежегодно издаваемый Обзор международной стратегии Китая (на английском и китайском языках). Серии докладов Института международных и стратегических исследований Пекинского университета опираются на правительственные структуры, предприятиям и государственным учреждениям.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Российский совет по международным делам
Институт международных и стратегических исследований Пекинского университета

РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В АФРИКЕ

Доклад № 66/2021

Верстка — О.В. Устинкова

Источник фото на обложке:
Vostok Photo

Формат 70×100 $\frac{1}{16}$. Печать офсетная.

Тираж 300 экз.

Российский совет
по международным
делам

Тел.: +7 (495) 225 6283
Факс: +7 (495) 225 6284
welcome@russiancouncil.ru

119049, Москва,
4-й Добрынинский переулок, дом 8

russiancouncil.ru